

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕРГЕЙ ЦИКАВЫЙ ШАГИ В ГЛУБИНУ

Многие встанут у нее на пути. Даже она сама

Настоящая фантастика (Снежный ком)

Сергей Цикавый

Шаги в глубину

«Снежный Ком»

2013

Цикавый С. А.

Шаги в глубину / С. А. Цикавый — «Снежный Ком»,
2013 — (Настоящая фантастика (Снежный ком))

Бывают ли инквизиторы бывшими? «Бывают», – думала Александра, угоняя корабль – к свободе, к фронтиру, к задворкам звездных империй. Она бросила успешную карьеру, оставила свое место в иерархии граждан Мономифа – ради того, чтобы в мгновение ока потерять все. Александра нашла и новый корабль, и друзей, потому что отчаянные обречены друг на друга: в ее команде беглец, ищущий пять лет потерянной памяти, и девушка-гвардеец, неспособная жить без холода. Разумеется, Александра отыщет и новые цели, и врагов, но самое сложное ждет ее впереди, ведь бывшему инквизитору предстоит найти себя.

© Цикавый С. А., 2013

© Снежный Ком, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Глава шестая	56
Глава седьмая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Цикавый Шаги в глубину

* * *

Тесно. Тесно-то как. Бежали все – бежала и я. Корабль трясло. Основное освещение уже издохло, и теперь над душным потоком людей теплились аварийные маячки.

Тесно – и жарко.

Позади слышался визг складывающихся переборок, треск жилых времянок, наполнявших трюм. И кто-то кричал, что-то упругое и скользкое попало под ноги.

«Рука», – подумала я, а потом меня нагнал свист.

И разом не стало всего – гравитации, звуков, жалких оранжевых лампочек. И воздуха тоже не стало. Поперек коридора пошла трещина, и мы оказались среди звезд.

«Как странно».

Я не могла дышать, но все еще могла видеть. Крупные обломки нефтяных баков раскрывались вокруг меня. В висках ровно стучал пульс. Рядом проплывали тела. Я видела, как пузырится кожа под шерстью баронианского матроса, я знала, что его кровь сейчас вскипает, а такой нужный воздух разрывает ему легкие.

Агония.

Из-за обломка показался вытянутый силуэт. Он скользил, ненадолго скрывая звезды, – корабль, уничтоживший нас. Исполнитель воли Мономифа замедлил ход, и сквозь пустоту я на мгновение ощутила его взгляд – пристальный, изучающий. Ошарашенный.

«Он меня убил, – на пробу подумала я. – Ему незачем подходить так близко к цели».

Он все плыл – пугающе неспешно, а я не торопилась умирать.

«Ты всего лишь исполнила свой долг, доченька». Голос был строгим, в нем звучала гордость за меня.

Я? Долг? А, ну да.

Все изменилось. Теперь я смотрела на бойню иначе: сквозь прицелы инквизиционного фрегата, сквозь километры. Подсвеченные компьютерами биометрические сигналы быстро гасли. Последней исчезла метка маленькой рыжей девчушки в персиковом платице.

Глава первая

Я помню его, наверное, по секундам – свой последний день на работе: как открыла глаза, когда щелкнул свет, как приняла душ, как одевалась, как натирали кожу застёжки белья, как обожгла язык кофесинтом, как подумала, что ненавижу кофесинт... Словом, это был отличный образчик моего планетного дня. Только вот дальше всегда шла канцелярщина, шатание по офису департамента, сидение с ногами на столах у коллег. Сегодня у меня в карманах лежал комплект служебных карт, которым не место в кармане безработного гражданина третьего ранга.

Безработного – потому что в кейсе лежит заявление. По форме, бумажное, написанное своей рукой. Черт, своей рукой – это такая дикость.

Заявлению не лежалось в синтетике, оно хотело взрыва эмоций, хотело, чтобы шеф выкатил глаза, чтобы капитаны сказали: *«Да ты что?»* Чтобы в канцелярии шушукались: *«Слышали? Люэ ушла. Совсем»*. Чтобы даже в поганой забегаловке на втором уровне два дня говорили, как я вошла в кабинет к шефу – красивая, подтянутая, наглая и рыжая. В этом месте кто-то непременно вспомнит, какая у меня задница. И тут все выпьют.

И чем ближе чертова дверь, чем чаще кивки всяким-разным знакомым, тем больше я понимала: да никто так не скажет. А скажут:

«Нервы... Да».

«Ну, так ей и надо».

«А слышали, что у психодинамиков ей прописали?»

И вся затея казалась такой убогой, что и не передать. По правде, если бы не сны, я бы так и не пошла дальше рабочего места. Я бы сидела, глядя в зеркальный стол: слева – голопанель, в уголке маякует сетевой пейджер, в почте снова куча дел, чтобы было чем занять скучное межвылетное время скучного капитана невеселой инквизиции.

Я бы сидела и смотрела на эти канцелярские богатства, а перед глазами маячил бы взорвавшийся неф. Дранный неф драной Альдибахской торговой корпорации. Неф, в котором должна была быть только контрабанда.

* * *

Курс оверсаном себя оправдал. На траекторию перехвата я вышла с такого угла, что драпающий ублюдок оказался во всех перекрестиях сразу. Курсант бы описался от радости: хоть торпедой, хоть «линейкой» – не промажешь, чем ни стреляй.

И я выбрала торпеду.

Я, черт возьми, выбрала торпеду.

Кластерная боеголовка, водородный ускоритель. Как любит говорить идиот Тодд, «перфоратор». Так уничтожают корабль, с которого нечего брать, а мне не нужна была протоплазма с В4К. Совсем не нужна – да никому она толком не нужна, эта дрянь, из нее только сцинтиане лепят себе синтетические органы.

Когда корабль разломало пополам, я удивилась: *«Наливной же неф должен быть, нет?»*

Когда из пробоев рванули струи замерзающего воздуха, я обалдела.

А когда я увидела тела...

Это были тела обычных колонистов, которых пытались тайком вывезти с В4К до начала прокураторской проверки. Обычные нелегалы-добытчики – сцинтиане, баронианцы. Люди.

В прицелах оптических градаров плыли тела. Некоторые – в облачках собственной крови, некоторые – в струях смерзающегося газа. Некоторые еще двигались.

Я видела смерть пилотов – тяжеловооруженных мужиков в скафандрах, я резала капсулы и гразерами расстреливала спасательные боты пиратов...

Знаете, что самое страшное?

Это космос. Они не кричали. Они просто извивались, корчились – в тишине. А еще там, за облаком пара и обломками, сияли какие-то две звездочки – и вот они меня добились, потому что так нельзя: распухающие тела, судороги, неф, оказавшийся нелегальским, – и вот эти две чертовы холодные игрушки.

Я пробовала рассматривать фотографии, по кадрам изучала запись бойни, я жрала литрами кофесинт, чтобы не спать всю ночь. Я сделала почти все, но не чувствовала того, что должна была.

Раскаяния. *«Mein Gott, я не хотела».*

Страха. *«Как мне теперь жить?»*

Сочувствия. *«Они мучились».*

Вины. *«Они умерли из-за тебя. Сдохни, сука».*

Психодинамик вообще страшно удивился, когда я ему изложила суть проблемы, Этот мудака сказал, что мне радоваться надо. Я сказала, что сейчас достану скорчер и проверю, буду ли я чувствовать вину за его смерть. Будет ли мне сниться его смерть – его глазами.

Я полюбила сидеть в Мемориальном парке Нуклеуса. Голографическая фальшивка меня не интересовала – меня интересовали люди. Скольких и как именно надо убить, чтобы что-то почувствовать? Может, лучше сразу ребенка – им и обойтись?

А хватит ли?

Меня готовили с детства, меня, совершенного пилота для нового поколения кораблей. Сингл-класс – это вам не консервные банки с сотнями балбесов на борту. Это ты и космос – один на один. Вокруг тебя пустота, на тебе тысячи тонн брони, топлива и стволов, а впереди дичь. Всегда есть дичь, потому что даже в этом драном мире есть не такие, как все. Есть те, которых не устраивает Мономиф.

«Ты моя умничка», – сказала мама.

«Я тобой горжусь», – сказала мама.

«Твой отец был великим человеком», – сказала мама.

Она всегда что-то такое говорила, и плевать, что я – офицер с высшим доступом – так и не нашла в базах ни одного выдающегося человека по фамилии Люэ. Наверное, если бы мама не сошла с ума, выдумала бы что-то о партеногенезе.

Я сидела в парке, смотрела, как нарисованное солнце блестит сквозь нарисованные деревья, и думала о том, кто я. Безотцовщина, гражданка третьего ранга, рыжая коза. Подданная Первого Гражданина. Капитан фрегата «Тиморифор».

И просто кукла.

Я ведь когда-то плакала над вьюнцом, уколовшим лапку. Смешной такой волосатик был. И рисовала я только в теплых тонах. И по курсопрокладке не любила решения, где требовалось жертвовать экипажем, даже разрыдалась над задачей, в которой не было иного ответа.

А еще я никогда не колебалась, выбирая средства на тренировках. Три дня лазарета для спарринг-партнера? Выговор? Я же победила! И спасательные капсулы я тоже расстреливала без сантиментов. Потому что они проиграли, *vae victis* – и все дела.

«Ну и где ты теперь, Алекса? Кто ты?»

Прав господин психодинамик Бюлов. Жить да радоваться: устроила случайную гекатомбу – и ни в одном глазу. Подумаешь, четыреста девяносто три живых существа.

* * *

Я стояла перед дверью шефа и тянулась к ручке. Даже когда я войду туда, еще не поздно все отменить: можно сказать, что зашла просто так, ага. Я у шефа в любимицах еще с космоходного. Опекун, наставник, обаяшка.

И не надо вот этого. Женщиной я не с ним стала.

– Разрешите?

– А, Алекса.

«А, Алекса». Все как всегда. Всего лишь еще один день.

– Садись.

– Спасибо, сун цу Хименес.

Улыбается. Он чертовски обаятельно улыбается, от такого тлеешь еще долго после того, как улыбка ушла, и нет ее в помине. Хотя когда это у адмирала Франциска сун цу Хименеса, юного гения и героя, не было улыбки?

Даже жаль его огорчать.

Он еще улыбается. В кабинете кружит тонкая нотка одеколона – что-то такое на грани фола, знаете, когда начинаешь думать о женских духах. Здесь есть серверный шкаф – Мономиф в полутораметровом ящике. Есть модель «Тикондероги», крейсера, на котором Хименес вырезал пол-эскадры сцинтиан, – какой это был маневр! Титул «сун цу» штабным просиживанием не зарабатывают.

Это, словом, кабинет шефа – без двух минут бывшего шефа.

«Никаких двух минут, соплячка».

– Вот.

Я потянулась через стол, но он уже все понял, потому что бумажки тут были только одного вида. Пусть и редко такое писали.

– Александра... Это из-за того происшествия?

– Я так не могу, сун цу Хименес.

Ему – можно. Остальным – хрен.

Он думает. Ему сейчас тяжело. Или нет? Может, он все просчитал, а сейчас смотрит с такой тоской, чтобы потянуть время, и на самом деле прикидывает, как он меня раздевает. А может, думает, что у него половина личного состава – юные гении, которых учили допрашивать, догонять и убивать, а вот просто жить – нет, не учили. Может, он, умница, сейчас вспоминает, что далеко не все забивают себе мозг фанатизмом и преклонением. Может, он тебя не раздевает, а больничное белье на тебя мысленно примерил.

«Ну, давай, Алекса, накрути себя. Давай».

– Я не буду тебе рассказывать о потере гражданства.

Франциск потянулся за сигаретами. Франциск почесал лоб пальцами, между которыми торчала мерзкая никотиновая палочка. Франциск был гениален. Он шлепнул по клавиатуре и встал. Стена таяла, поляризовалась, и там появлялся город. Светящийся, мерцающий сильно вогнутой линзой – классический город-амфитеатр. Почти классический, потому что это столица Империи Мономифа.

– За пределами конторы от себя не убежишь.

Не оглядываясь, он указал рукой куда-то влево. Дым послушно поплыл за сигаретой.

– Вон там космопорт: можно улететь с Нуклеуса. Хотя погоди... – без всякого намека на «вот только вспомнил» сказал Хименес. – Без гражданства тебе билет не продадут. То есть продадут, но для начала вывернут наизнанку.

О том, что женщины, как правило, оставались после такого без яичников, он, конечно, умолчал. Ну и спасибо, я в курсе. Медицина у нас хорошая, для граждан сделает все за счет не-граждан. Вернее, за счет частей не-граждан.

– Трущобы? Пожалуй. Там, Алекса, нужен профи, всегда нужен.

Да. Я могла стать ганслингером, певичкой, шлюхой, аналитиком при боссе. До первой облавы на тех, у кого ай-кью выше семидесяти.

Впрочем, это мы все мечтаем. Из этой организации уходят с очищенной памятью, и я буду долго вспоминать свои умения. Возможно, даже дольше, чем проживу. *«Стоят ли эти несколько сотен тушек такого?»*

Самое милое, что ответа я не знала.

– Ты понимаешь, что я не смогу о тебе позаботиться?

«Хименес такой классный!» – вспомнила я сама себя времен космоходки. Мне тогда казалось, что я его люблю без памяти, но это пока не выяснила, что таких дур – тысячи, а я слишком хотела быть единственной.

«Ты самая лучшая, доченька».

Тогда я стала мечтать об отце. О таком отце, как герой Второй войны за Мицрах. Ну право же, мама говорила, что мой отец – выдающийся? Говорила. И пусть по Франциску сун цу Хименесу сохнут дурочки. Или текут – это уж смотря по мере идиотизма.

А я буду гордиться вами, адмирал. А вы – мной.

«– Оверсан при этих данных перехвата сэкономит полтора нанограмма свертнплива в секунду...

– Кадет Кальтенборн, вы сами додумались?

– Так точно, господин контр-адмирал!»

Пора мне вас наконец разочаровать, Франциск.

– Я все понимаю, сун цу Хименес.

– Послушай, Алекса...

– Не хочу. Подпишите это.

Я не только коллег и задержанных строить могу – я могу начальнику дерзить. Я могу все, и ничего не почувствую.

– Александра.

Хименес сел в кресло, стена зарастала благородным мрамором, и мы снова играли в гляделки. Хотите сыграть в гляделки с кумиром отрочества? Не советую, это разочаровывает, потому как вспоминаешь одно, а видишь другое. В памяти герой при кителе и сиянии, а перед глазами усталый немолодой интриган, кабинетный вояка с цепким взглядом.

«Как же это вас так, Франциск? Что вы почувствовали при этом?»

– Да, сун цу Хименес.

– Сделаем так. Ты идешь в отпуск.

– Отпуск?!

Это как всадить в реактор пакет, когда еще прошлый не прогорел. Это как... Он что, не понял ничего? И он тоже – не понял?

Я вдруг почувствовала, что устала, просто смертельно устала. Что все дерьмо, что нет выхода, что вот этот престарелый парень сейчас перекрыл мне последний – из огромной чистой любви к своей подопечной, к рыжей умничке, которую иначе превратят в чистый лист.

Черт, а я и впрямь хотела – чтобы чистый лист, табула rasa. Чтобы бегать от облав, не помня себя, чтобы продираться иерархией трущоб, чтобы глядеть на звезды сквозь купол и думать, почему меня туда не тянет. Чтобы придумать себе красивую историю, что я – секрет-

ный агент, которому стерли мозги. Придумать – и оказаться почти правой. Чтобы все было круто, грязно, чтобы чужая жизнь корчилась в моем захвате, чтобы я – сверху!

«Отпуск? Франциск, да вы гоните».

Адмирал смотрел на меня и молча тушил окурок в пепельнице. Табак, мрамор и одеколон – и призрак мира за непрозрачной стеной. Мира, куда меня не пускали.

– Отпуск и премия. Двойная, например. Твои допуски лежат у меня, заявление – тоже. Куда хочешь? На Фьюли? На Бруствик?

Курорты. Отличные курорты – на границе Империи. Жаль, я и там буду на поводке.

– Кого отправить с тобой? Или партнера найдешь на месте? Прости, я бы и сам махнул, но стар для тебя, понимаешь...

Шутит. Уже шутит – значит, решил, что рассосалось: поистерила дурочка и угомонилась. Что я чувствую? Ничего. Мною по старинке вытерли весь кабинет и кинули в ведро, мне непрямым текстом объяснили, что я не права. И я уже сама поняла, что мечтала о саморазрушении.

Я слотнула литра полтора слюны, а все равно не чувствовала почти ничего.

Нахамить бы.

– Я поняла, сун цу Хименес.

Вместо хамства – встать, начать выворачивать карманы: допуск уровня «инквизитор», капитанский допуск, запал-карта от «Тиморифора» (прости, мой Алыш). Хименес открыл ящик стола и принялся складывать туда эти предметы по одному.

Я развернулась и пошла к дверям.

– Подожди.

Оборачиваться не хотелось: я только что не смогла отстоять себя. Психологизм в кабинете шефа – это так восхитительно, словно и впрямь мною помыли полы.

– Ты отличный капитан, Алекса.

На локте задержалась рука – приятно, несмотря ни на что. Именно поэтому я стряхнула эту самую руку и вышла. Потому что приятно и потому что сама знаю, что я отличный капитан.

Снаружи былолюдно: к шефу образовалась очередь, а я шла мимо этих людей – кто они? – и привыкала к мысли, что у меня есть премия и отпуск. Мысль шла скверно, ее приходилось запихивать в голову, уминать и утрамбовывать там.

«Ничего, Алекса, справишься. У тебя впереди три недели жаркого солнца. Если повезет – то двойного солнца. Говорят, на Бруствике получается модный сероватый загар. Рыжие волосы, голубые глаза, пепельная кожа...» Меня чуть не стошнило от понимания: я еду на курорт, чтобы развеять депрессию. А депрессию вызвало то, что меня не устраивает мое спокойствие. А не устраивает оно меня потому, что...

– Эй, Люэ!

Я остановилась. А, ну да. Тодд.

– Привет. Чего тебе?

– Слушай, дело есть.

Он поманил меня в сторону, пряча папку за спину. Лицо при этом получилось натужно-обеспокоенное, словно дело страшненькое и стыдное, но решать с этим что-то надо.

– Что у тебя?

– Ты это, понимаешь, я тут пишу, пишу...

Болван. Пишет он. Будь это космоходка – уже дала бы в рыло.

– Ты не тяни, – посоветовала я. – Или пошел вон с дороги.

– Слушай, – вдруг сказал он, – ну неужели тебе неинтересно?

Лицо и впрямь озабоченное. Капитан, как есть, причем – в дальнем рейде, из боезапаса остались только мелкие ракеты и дюжина боевых дронов, а повсюду чудятся мятежники.

– Выкладывай.

– Слушай, ты мне когда-то говорила, – заговорщицки начал он, постепенно повышая голос, – а я забыл... Как правильно пишется... «Люэ» или кх-хах!.. «Люэс»?

Вот урод. Стоит и ржет – сам себе клоун, да и я хороша: сколько на этот дебилизм попадаться буду, а? Нет, ну какой гад, и в очереди уже подхихикивают – тоже мне, верх остроумия слышали.

«Я в отпуске».

Кулаком – под дых. Нежно, чтобы не отбить ничего лишнего. Убрать голову, потому что он сейчас отмахнется вслепую. И – стопой в голень.

Очередь позади сочилась космическим молчанием, ровно горели мягкие лампы, на полу исходил руганью идиот, а я шла прочь с отчетливым ощущением, что на самом деле избили меня. Я, глупая, пыталась распрощаться с системой, выпятила свой характер и получила по мордам. Все, могу быть свободна. Очень уж не хотелось признавать: я перегорела, – но что поделать.

На своем «Тиморифоре» я уделаю любого из этих крысенышей, распечаткой моего списка благодарностей можно обклеить уборную, и на кухню тоже останется. Я дерусь, стреляю и хамлю, как два десантника сразу, но вот сейчас я дала в морду и ушла с четким ощущением, что получила.

«Ты перегорела, Алекса».

«Ты самая лучшая, доченька».

Улавливаете иронию? Все горят, все, но этого не понял даже Франциск, даже он решил, что меня надо упаковать под надзор и просто услатить в отпуск. Мечта и рекреация: загорать до струпьев, кувыраться со случайным знакомым, кататься на яхте, придерживая рукой огромную стильную шляпу.

Кстати, надо купить себе такую, и чтобы непременно белую.

Я подняла взгляд: слева серые ворота ангара – огромные, с сигнальными огнями, которые мерцают, когда расходятся створки, и всегда отрывисто гремит сирена: «Бам! Бам! Бам! Бам!» И стоило мне сосредоточиться на этом самом звуке, как я его слышала. Ну, конечно, не удержалась.

Ворота расходились, ворота предупреждали, что впереди, за шлюзовыми трубами к кораблям – только тонкая пленка силового поля, а дальше – сразу космос. Ангар освещали скупое, его часто продували аргоном, и здесь царил образцовый порядок, даже мусор перед утилизацией складывали кучками. Я сделала несколько шагов и принялась: для меня вылеты пахли именно этим помещением – органическими контейнерами со свертхтопливом, оружейным маслом, сваркой и озоном. Корабль, от рубки до реактора, не пахнет ничем, ну, то есть пахнет – но только тобой, а свой запах слишком привычен.

Сингл-класс – это такое обонятельное одиночество, столь же наполненное, как и вакуум.

Металл и пластик, суетящиеся дроны obsługi, кому-то по громкой выдают разрешение на вылет, а у стенки распатронивают переключившую ленту с кристаллами для бортового лазера. Я присмотрелась: заправляя ее в модуль, техники перекосили вторую планку, и теперь протяжный механизм будет сбоить. Можно, конечно, подсказать, но этим двоим еще гражданство зарабатывать, вот пусть и и корячатся.

Я обошла отключенного боевого дрона – тяжелую дуру в активной броне – и оказалась у третьей бухты, прямо перед форштевнем «Тиморифора».

«Ну, привет».

Мой «Тиморифор». Мой Алый.

Хорошо тебе, Алый, «Несущий возмездие». Ты можешь даже нервы отрастить, если выжгут. И модульное строение тоже многое решает: броню пересобрать из космического

мусора – звучит знаменито, фантастично и круто. Ты классный, «Тиморифор». И знаешь, если мне есть, к чему вернуться после отпуска, то это к тебе. И продолжим охоту, да, Алый? Бойня – это дело такое: с кем не бывает при нашей-то работе.

Я смотрела на чешуйчатую морду, смотрела и ежилась: здесь было холодно, а вот на Брустике... Мне вдруг стало отчетливо ясно, что в последний день отпуска я что-нибудь с собой сделаю. Откроется дверь, войдет портье, потому что я не ответила на пятнадцатый уже звонок, войдет охранник, и они увидят меня. Точка. Здесь я придержала воображение.

«Ну и все, и хватит. Вдруг влюбишься там. Или курортный роман таки исцелит».

Не влюблюсь, не исцелит – глупые надежды. Дальше все пойдет по накатанной задумке: пятнадцать неотвеченных, портье, охранник, остывшая ванна... Мой смысл жизни – космос и ты, Алый. И что-то этот смысл перестал меня радовать.

Чертовы нелегалы. Чертова работа.

Наверное, я дурею с жиру. Вот этих двоих техников, что перебирают кристаллы, разрежут на органы, если они не заработают гражданство, у них же на лицах написано: сто двадцать ай-кью на двоих. По всей Империи людей маршем водят в шахты за то, что в городе грохнули карателя. Статистический работяга каждому кредиту рад, он жену убьет, если та вдруг понесет не в сроки, это ж бюджет перекраивать и заявку задним числом писать. А если еще и сосед доложит о беременности...

А я тут страдаю от смыслов жизни и от того, что лучший пилот на деле – просто смазливая дурочка с кучей проблем.

Я обхватила себя за плечи. Страшно. Все в никуда: и отпуск этот, и космоходка, и спарринги, и допросы задержанных. Вот спросить тебя, Алекса: зачем это все? Правильно, во имя Первого Гражданина, во имя человечества, восславим и вознесем. А сама ты кто, Алекса? Лучший пилот? Винтик с самой классной шляпкой? Фрагмент программы?

Плечи никак не согревались: это все чертов холод, которым тянет прямо оттуда, из космоса. Лучше бы грели этот ангар честно, чем на аргон тратиться. Я вдруг поняла, что мне что-то тычется в ладонь, что-то ниже плечевой нашивки. Подняв руку, я увидела, что из-под капитанского шеврона торчит запал-карта «Тиморифора».

«Я же...» Стало еще холоднее: я должна была сдать эту штуку, раз меня отправили в отпуск. Но ведь погодите: сун цу Хименес своими руками спрятал карту себе в стол, а потом...

«Ты отличный капитан, Алекса», – и легкое пожатие чуть повыше локтя. Чуть пониже нашивки.

Я пошла к рукаву стыковочного шлюза. И так хотелось бежать, что просто ах. И в голове пело: «Он меня понял! Вы все слышали? Он меня понял!!» В голове был праздник с бухлом и фейерверком, в голове униженно дрожали какие-то трусливые мыслишки, но впереди оставался космос, со мной – «Тиморифор», а я – снова в строю, пускай отныне – в своем собственном.

Шлюз, тепло огромного тела, и я внутри.

Фрегат оживал.

– Добрый день, Алекса.

– Привет!

Я сбросила китель и рванула в рубку. На диспетчерском посту уже засветилась активация корабля, и оттуда сейчас пытаются прозвонить Алого, одновременно проверяя, нет ли у меня срочного вылета.

Еще пятнадцать секунд до прямого запроса, значит, придется уходить на полной синхронизации, а я такого не люблю, потом болит низ живота. Прогрев реактора вместе с кораблем – это как вторые месячные.

«Не хочешь? Так, может, в отпуск?»

Смех. Мой собственный – впервые за последний месяц.

– Ключ на старт. Интерфейс синхронизации, порт экстренный.

– Разрешение на вылет?

Я ухмыльнулась и вставила запал-карту в интерфейс. Рубку тут же затопило аварийным светом, и в этом кровавом мигании я поняла, что сейчас все будет быстро. Быстрее, чем отсучат четыре удара сердца. Скорее диспетчеры не опомнятся.

– Получена директива форсированного старта, – с недоумением в голосе произнес виртуальный интеллект. – Напоминаю, что диспозиция корабля...

– Астрид, бесишь! Быстро порт синхронизации!

Я рухнула на крест пилотского ложа. Надо мной сгустился из ничего сияющий цифровой канал.

Поле зрения пошло трещинами, прогнулось и лопнуло, когда копьё из света пробило мне голову. Вокруг горели сотни кнопок, существующих только в уме – уме «Тиморифора», – и по этим кнопкам сейчас надо барабанить так быстро, что сгорят воображаемые пальцы.

Внешний сигнал – отсечь.

Шлюзовый стык – отсоединить.

Реактор – пакет сверхтоплива пошел. Пошел, я сказала!

Поле зрения изменилось: часть кнопок исчезла, и я просто смотрела на ангар. Здесь все было спокойно, но где-то за сотни метров уже разгоралась тревога. Сейчас несколько команд, и пленка зарастет так, что я не пробьюсь без стрельбы.

Только это вы хрен успеете.

Я всем телом подавалась назад – это как гребля, когда рвешь спину, не видя, куда плывешь, когда чувствуешь русло, когда опыт за тебя, – и впервые против тебя все остальное. Толчок – и я в стартовом пространстве, а прямо перед лицом разворачивается башня зенитного скорчера.

А еще в канале висит готовый к старту крейсер, который еще ничего не знает.

В животе уже очень горячо. Достаточно горячо, чтобы управлять телом так, как надо. А надо – «чакру Фролова». Я рванулась вперед, пропуская первый залп зенитки левее – мимо, дружок, и прощай девятый наблюдательный пост. По курсу был крейсер, старый добрый мультикласс, а значит, – неповоротливая дура.

Ствол зенитки плюнул еще раз, и я пропустила его залп в кульбите.

Если вам кто-то скажет, что обратный кульбит с радиусом в свой корабль – это невозможно, посмотрите эту запись, вам понравится. Можете сказать, что это монтаж.

А мне плевать: я на свободе.

Скорчер проделал огромную дыру в дюзах крейсера, и я, вернувшись из петли, прошла сквозь нее. Ноги свело судорогой, но передо мной горели звезды. И по боку перехватчики: я от всех уйду.

«Ты отличный капитан, Алекса».

«Тиморифор» кувырками уходил от наружных батарей и вскоре оказался в недосягаемости для них.

Теперь пришла пора поболеть голове.

«Астрид, подмодуль расчета прыжка».

«Куда, Алекса?»

К фронтиру, куда же еще. Подальше от звезд – новых, бывших, будущих и черных. Подальше от планет, подальше от людей и иже с ними... Карта зоны стремительно теряла возможные точки выхода из прыжка, я отметала их сотнями, за мной увязались перехватчики и даже один инквизитор, но меня это не гребло.

У меня голова болела.

«А-а, плевать. Да святится случайность».

Я пылала, тело готовилось исчезнуть, утонуть в изнанке космоса. Страшно. Как всегда страшно. На этом сгорали тысячи новичков, уходивших в прыжок. *«Бои-ии-шься?»* – шепчет изнанка. Она чувствует этот страх, чувствует все возможные ошибки и делает их все реальными.

Это ведь, чтоб ее, изнанка.

Я отстрелила мультипликаторы и прыгнула. Сейчас в изнанку ушли сотни три векторов, и у всех моя подпись: *«С любовью, Александра Кальтенборн-Люэ»*. Меня несло, утаскивало в исподнее космоса, я хохотала, как идиотка, и это было восхитительно, это не шло ни в какое сравнение с погоней за дичью, с поцелуем того болвана, с первым удачным пуском.

«Свободна!»

Их градары меня теряют, градары сходят с ума от свистопляски мультипликаторов, борт-компьютеры греются, капитанов корежит мигрень, а я хохочу, уходя в изнанку этого великолепного, восхитительного, свободного космоса.

И они ничего этого не видят.

«Невидима и свободна!»

Глава вторая

Я ковырялась в схемах компьютера и жевала сухой кофесинт. Это так забавно – просто поставить градар на оповещение, грызть какую-то ерунду и болтать ногами, затыкивая тестером схемы.

– Три нановольта, Алекса.

– А здесь?

– Три четыреста двадцать три нановольта.

У Астрид тоже началась депрессия. Виртуальный интеллект оказался не готов к дезертирству, и теперь эта недо-личность с именем моей мамы пыталась оправиться от шока. Я всерьез подозревала, что логические схемы она пожгла себе сама: я так иногда себе лишний миллиметр ногтя отхватывала, когда жизнь не ладилась.

«Интересно, как определяют пол виртуальным интеллектам? Не верю, что случайно».

Я откусила от палочки еще коричневой горечи и вздохнула. Все это было не по-настоящему. Пустое заговаривание совести: думай о чем-то, Алекса, и не думай, что ты натворила.

«А, собственно, что здесь такого? Хотела чистую файловую систему? Так вот она».

Из трущоб люди выбиваются в космос наемниками, матросами на мультиклассы, пушечным мясом, донорами – да кем угодно. Они вкалывают годами, чтобы накопить на свое дело, чтобы купить членство в корпорации и начать наконец зарабатывать деньги. Жалкие посудины новичков сразу же берут на прицел пираты, рэкет, они копаются в самых захудалых системах, не высовывая носа, не мечтая о профсоюзах и в конце концов выясняют, что свобода в космосе – это такая же чушь, как и свобода на планете. Только там тебя порежут на органы по плану, а здесь – по чистой случайности.

А вот я – я другое дело. Я вольный стрелок на быстром и мощном корабле, я пилот-сингл-класса, у меня есть грузовой трюм, я в курсе расценок и немного – межсистемной политики, я много знаю о контрабанде и способах ее перехвата. Отформатировать цифровые подписи и метки корабля, приказать Астрид слегка изменить дизайн – и можно брать неплохие заказы. Я пожевала палочку, обнаружила во рту кусок обертки и выползла из серверного блока поплеваться.

– Астрид, все. Заливай схемы рабочей жидкостью и больше так не делай.

– Принято, Алекса.

Вторую палочку я залила кипятком и пошла в каюту.

– Потолок – прозрачность.

Старая система M2045, где выжили только две планеты. Даже имени звезде не дали – да и на что имя красному гиганту? «Тиморифор» висел у большого железистого планетоида, и звезда как раз всходила над его изъязвленным краем. Поставлю вспомогательное геологическое оборудование, решила я, изучая блестящий край планетоида. Буду перебиваться еще и ценной рудой – тоже нормальный хлеб, если знать, кому загнать и где что выгодно. Алый расцвет поначалу умиротворял, а понимание того, что даже прицельное сканирование не найдет мой фрегат рядом с фонащим куском железа, – вообще расслабляло.

Я отслужила Империи, заимела стартовый бонус – приличный такой бонус. О чем жалеть-то? Только в старину оставались могилы, к которым надо возвращаться. Только идиоты жили убеждениями и «все за Мономиф». Я не идиотка, у меня не водилось друзей, да и если разо-

браться: что у меня вообще было? На Нуклеусе – хоть отбавляй одиночества, в дальних рейдах – тоже.

Да, я там служила винтиком. Очень ценным винтиком – таким супердержава прощает многое. Меня смазывали, иногда мне делали подарки и поощряли, иногда ввинчивали до упора, так что я вся скрипела, но всегда был док, где заправляли и перезаряжали мой фрегат, была столовка, в которой меня кормили, и касса, где выдавали кредитку на месяц. Теперь придется проверять каждый космопорт, куда хочу зайти, сканировать купленные харчи: а вдруг туда подмешали чего-нибудь?

Блестки звезд скрылись в красном свечении, и чем дольше я смотрела на безымянную М2045, тем яснее понимала, что зря я тут повисла, зря остановилась у этой звезды – моей первой звезды свободной жизни. Алый рассвет полыхал во весь потолок, поверхность планетоида потихоньку подергивалась дымкой испаряющихся газов, а я лежала на нескромной капитанской кровати и смотрела вверх. Я лежала и считала, сколько отделяет меня от вакуума. Внутренняя органика со свойствами кондиционирования – шестнадцать миллиметров, броня с изменяемым изотопным составом – еще двадцать, внешнее покрытие... Если считать с поглотителями – то выйдет тридцать два миллиметра. Итого до Великого Ничто чуть меньше семи сантиметров.

Я гладила теплую мягкую кожу «Тиморифора», смотрела на ужасное умирающее светило, которое в своей агонии переживает и пятьсот поколений моих внуков. И мне было плохо – очень плохо один на один с вечностью.

Так странно, что «звездной болезнью» предки называли какой-то психический примитив.

– Астрид.

– Да, Алекса.

– Скажи: «Ты самая лучшая, Алекса».

Пауза – она только в моем больном воображении: а вдруг виртуалка откажется или рассмеется?

– Ты самая лучшая, Алекса.

Я поморщилась и встала. Кофесинт остыл, на шее выступил противный холодный пот, но это ерунда, потому что я не сопливый кадет, которого выкинули в первый самостоятельный рейд.

– Астрид, запускай калибровку реактора.

Одной рукой я собрала волосы в хвост и изобразила какой-то варварский узел. В волосах обнаружились высохшие хлопья рабочей жидкости из сервера, в ушах – нудное перечисление текущих настроек калибровки.

«Хочу в душ, – решила я. – И вообще, что-то много ритуалов для простого начала новой жизни».

* * *

После душа ситуация прояснилась со всем, кроме реактора.

На градах было пусто, чего и следовало ждать от дрянной системы в ничьем космосе. Я распорядилась обновить биокomпоненты обшивки, снять немного энергии со стелс-систем и вообще – тихо греться под алыми лучами. «Тиморифор» проходил один тест за другим, я мило забивала себе голову этой ерундой и параллельно подумывала, куда бы податься в первую очередь, истратив минимум сверхтоплива.

По-хорошему, стоило бы сунуться в систему покрупнее, где проще затеряться в толпе. Да, там больше соглядатаев и агентов Империи, но после обновления обшивки «Тиморифор» сразу не распознают. *«Будешь парить себе голову – постареешь»*, – решила я.

В конце концов, я профессионал. Можно наняться к агентам нечеловеческих корпораций. Там любят и ценят тех, кто знает их языки и обычаи, так что премиальные за «знание среды» я отхвачу. Тут как в казино: или ты делаешь маленькие ставки, рассчитывая на умеренный выигрыш, или крупно играешь по некой системе, надеясь, что фортуна сейчас засосет тебя с языком, и тогда тебе придется убегать и от требований обмыть победу, и от СБ заведения, и от ребят, которым позарез нужна твоя система. Мне по положению стоит скромничать, но вот беда: я умею многое, кроме одного – перебиваться мизерами.

– Калибровка завершена, подача пакетов оптимизирована на три сотых процента.

Три сотых – это около ста сорока наносекунд в реальном бою, где реактор почти выживает свою камеру. Это... Как там по таблицам? Почти целая секунда для накопления заряда в «линейке», а целая секунда опережения – это ого какая дырень в противнике, любая пакость как минимум без щита останется, если это не СД. Ну а если это СД, то три сотых процента оптимизации хватит для быстрого-быстрого разворота и еще более быстрого прыжка к чертовой матери.

Я поулыбалась своему отражению на реакторной броне и закрыла кожух.

– Зафиксирован тормозной выхлоп выхода из прыжка.

Коридор рванул мне навстречу, и я, с чмоканьем пролетев сквозь переборки, успела в рубку до того, как...

– Восемь мегаметров, сингл-класс, тип – фрегат. Сканирующая сфера не зафиксирована.

– Векторы на панель, быстро!

Я отправила ложемент в положение для синхронизации, но вызывать копьё не спешила: новоприбывшее судно летело напрямик на планетоид, но обходило его немного в стороне – вот и нет смысла дергаться.

– «Линейку» к бою. Малое накопление заряда, «прогрев» реактора к ходу.

– Принято.

Усилить стелс – чуть-чуть, чтобы не было лишних колебаний. Втянуть регенераторы корабельной плоти. И замереть, не дергаясь. Посмотрим, что за дичь.

Видеолокаторы сформировали картинку. Пришелец выглядел странно и дико, едва ли это был человеческий корабль: какой-то топовидный форштевень, вытянутый корпус, чёрт-те где у него рубка, зато двигатели – о-го-го какие. Целых три несущих пилона, но выхлопом он наследил за собой слабо. Неприятно слабо.

Выводы мне не нравились.

Во-первых, стелс – плевать чей, но это стелс. Во-вторых, по конструкции не понять, что у засранца за щиты. Астрид колебалась с оценкой их мощности, казалось, что они пульсировали, и это скверно: такие в Империи только-только начали ставить на гончие корабли Черного трибунала.

«Это за мной».

Пропустить? Или уничтожить?

Если я пробью его «линейкой», то получу доступ к генераторам пульсирующего щита. Двойная выгода: одним преследователем меньше на хвосте – и скромный стартовый капитал в виде как минимум миллиона кредитов.

– Астрид, интерфейс синхронизации. Экстренное накопление заряда – все на «линейку»!

– Принято, Алекса.

Боль – но замешанная на азарте. Кто кого? Наглый преследователь, полагающийся на градары, или я? Что ж, тем приятнее будет получить приз. Тело вдруг уменьшилось, стало несущественным – и я ощутила корабль. Фрегат медленно разворачивался, цепляясь за слабое магнитное поле планетоида, осторожно, плавно – так подгребают в воде, когда не хотят пены и шума.

Я сложила руки перед собой и вытянула их – в ответ расцвела прицельная панель «линейки». Вокруг мерцали звезды, было невыносимо тихо. Я неспешно наводила единственное оружие, которое требует маневра всем корпусом. Там, за гранью этого дикого сверхчеловеческого «я» летят наносекунды, корабль подергивается на сотые доли миллиметра, а в прицельной рамке все ярче разгорается звездочка.

Моя.

– Вектор выхода из прыжка.

«Что?!» Звезда замерла в рамке, а потом и вышла из нее, и тут же полыхнули пилоны двигателей странного фрегата. Он убежал – не от меня.

– Внимание! Обнаружена сканирующая сфера радиусом...

Прямо передо мной в полутора мегахметрах полыхнуло, и звезды исчезли за силуэтом вышедшего из изнанки корабля. Мне не надо было приближать картинку или слушать Астрид, чтобы понять, что это.

СД – сверхдредноут, вершина развития мультикласса.

Еще не погасив инерцию выхода, новый корабль дал залп главным калибром, и планетой стал распухать, покрываясь змеистыми трещинами. Я еще тупила – «С одного выстрела? Сколько килограмм он высадил?!» – а тело уже выровняло корабль, тело бросило энергию на кормовые щиты, и «Тиморифор» рывком ушел в сторону, избегая столкновения с огромными кусками железа.

Красивое решение: завалить компьютеры преследуемого корабля лишней работой. И двигатели завалить, и стелс-системам проблемы создать. И – прощай, маленькая планета.

– Цель опознана. Мультикласс, тип – сверхдредноут...

«Спасибо, дурище!» – Сцепив зубы, я лупила по несуществующим клавишам, мир вдруг стал таким насыщенным и таким опасным, космос наполнился, здесь стало слишком тесно, и...

– Идентификаторы соответствуют судну «Тень».

Я, кажется, дернулась и чуть не подпустила слишком близко глыбу железа.

«„Тень“?! Что здесь делает „Тень“?!» В уголке восприятия вертелась трехмерная проекция этого чудо-оружия Первого Гражданина, личного корабля Его Меча – и вот уж совсем не страшно умирать, потому что эта штука убивает быстро, убивает целыми планетами, а когда при ТН214 он сбил с орбиты газовый гигант... Короче, звезду ТН214 пришлось спешно убирать с карт.

Уклониться. Нырнуть – и сразу в петлю: слишком быстр вот этот осколок того, что недавно было мирной грудой железа, с которой так красиво испарялся замерзший газ.

«И, это, Алекса... Давай решим, что вопрос: „Какого черта?!“ – пока что лишний, ладно?»

Как хорошо, что я легко нахожу общий язык с собой.

И видала я вашу легкую смерть, господин Его Меч.

«Тиморифор» шел уверенно, пока ни в один осколок я не врезалась, зато форсированный выхлоп двигателей не остался незамеченным, и в тишине – надо мной, подо мной, вокруг меня – заполыхали вспышки. Тут дело такое: или ты спринтер, или человек-невидимка.

Я шла трехмерным зигзагом, меняя скорость, скрипя зубами от боли, стряхивая прицельные метки. Мне бы продержаться еще минуту – и я прыгну, ну ни в жизнь не подойдут ко мне дроны раньше, чем за минуту, а больше и не надо. Мне бы только эти внезапные астероиды покинуть, а там и в изнанку можно. Там все можно.

– Вектор неопознанного фрегата на траектории!

«Вижу, дура!»

И не ответить – зубы как слиплись, а этот гончий перерезает мне дорогу, выводит прямо на длинную трассу выстрелов. Фрегат тоже вихляет, пытаюсь не попасть под огонь своих, и я так хочу ему вцепиться от души, что аж колет в груди, но...

Вспышка. Щиты гончего на мгновение окрасились вишневым, потом еще раз и еще: сверхдредноут нащупал его бортовым калибром, тяжелыми лазерами. Я ничего уже не понимала, а потом мне в бок вогнали длинную зазубренную иглу – и мне стало не до фрегата и косых канониров «Тени».

– Прямое попадание в двигатель. Мощность...

У меня отнимались ноги. Я гребла, я билась между обломками, но все впустую, потому что скорость и маневренность упали ниже предсказуемых уровней.

«Как же так?»

Еще одна игла – в звенящее от боли бедро, а потом – как долотом – в висок.

Я лежала на ложементе, рядом пенилась зарастающая стена, а по моему распятию текла разбрызганная рабочая жидкость. «Серверная... Астрид!» Рубку оплавало чуть впереди от моего ложа, и теперь на месте кварцевых мозгов виртуального интеллекта дымила куча желе. Там набухали и застывали пузыри, там что-то пыхтело, там гасла невещественная жизнь, а я лежала, ушибленная выходом из заплыва, один на один с подбитым фрегатом.

«Как же так?»

– Хы-у-ып. Рекомендую покинуть корабль. Функцио-униров-ва... прекращено.

Что-то хлопнуло, корабль задрожал, и в мозгах сверхновой звездой полыхнула ослепительная боль. Попадание не просто под ноль снесло щиты, оно не только нашло меня. Оно уничтожило личность моего корабля.

И убивало меня.

Это как если дать человеку яркое сновидение, а потом убить его ударом по голове. Вот те жалкие секунды, пока он будет, умирая, просыпаться – это и есть аварийная рассинхронизация при гибели корабля.

Свет гас, зажигались тревожные лампы, а я шла по коридору, где больше не было силовых переборок – с чего им быть без реактора? Я шла, держась за стремительно холодеющую стену, потом что-то ударило в борт, и меня бросило на палубу... Очнулась я в спасательном боте.

Мой стартовый бонус.

Мой корабль.

«Астрид, скажи: „Ты самая лучшая, Алекса“».

С коротким лязгом я выстрелила себя из того, что считала смыслом жизни. Плеснула диафрагма иллюминатора, и стало видно кульминацию – надо, Алекса, смотри. Можно жить и когда твою суть перетирают астероиды, когда вокруг все реже лопаются перегретые лазерами осколки, когда в тишине тебе так больно, что и не передать. Хочется, чтобы скрежетал металл, чавкала органика, чтобы корабль умирал с натужным скрипом, чтобы комкался, как бумажка – бумажка и та хоть шуршит. Шуршит – значит, протестует.

А здесь – только гул крови в мозгах и в горле.

«Видишь смысл жизни?»

«Вижу. Стоп, уже нет».

«Хорошо, живем дальше».

Я отвернулась, набрала активацию стелс-поля капсулы и развернула крылья-поглотители. Для пассивной болтанки у меня недели на две ресурсов, а если сдать экипажу «Тени» – то ровно до того, как опознают. Потом...

Стоять, не будем вообще думать о «потом». Его пока нет, а возможно, – и вовсе нет.

Первое: я в разрушенной системе в полностью оснащенном спасательном боте. Второе: у меня дико болит голова, и рассуждать здраво не смогу. Третье: плевать на остальное. Голова взрывалась, в ней все никак не мог догореть мой фрегат, все кровоточила рана, оставленная погибшей Астрид. Все же дурацкая была мысль: назвать виртуальный интеллект корабля именем мамы.

Я подтащила колени к груди и уставилась в голографическую панель управления. Где-то неподалеку ходит сверхдредноут – хилые пассивные градары до него не добивают, а шупать слишком уж рьяно не хочется. Где-то еще ближе – непонятный фрегат, и вот уж этот до меня доберется быстрее. *«Это если его „Тень“ не раздолбала»*, – со злорадством подумала я. Придурок, идти на перехват среди разбегающихся астероидов, да еще видя, что меня кроют плотным огнем. Нет, ну придурок же? И поймал он столько же, сколько и я...

И это странно.

А если разобраться, – то очень странно. Я вызвала в памяти последние секунды сражения. Голову раскололо болью, но зато там появились векторные данные стрельбы, и получалось, что это я попадала под «охвостье» массированного обстрела, а «Тень» стремилась уничтожить как раз странную посудину.

Я застонала: ну что ж я за дура, а? Появление на хвосте какой-то новой гончей, пусть даже прототипа, еще можно объяснить – капитаны инквизиции не каждый день сбегают – но вот чтобы за мной отправился сам Его Меч? Хах, да ладно. Тогда получается, что «Тиморифор» погиб случайно, из-за какого-то ублюдка, который додумался поссориться с Первым Гражданином или его канцлером. Какой-то шпион-дипломат-предатель-тройной агент? Или просто сволочь?

Однозначно, сволочь.

Я потеряла висок, за которым буянила боль. Нет, ну как так бывает? За годы и годы службы я ни разу не видела воочию сверхдредноут Его Меча, по ошибке под огонь попала всего раз, но стоило мне уйти, как космос показал зубы. Наверное, карма – хоть я в нее и не верю. С другой стороны, может, это карма именно потому, что я в нее не верю. Я подползла к панели и активировала меню. Надо что-то делать, иначе можно сдуреть от мыслей о том, как несправедлива эта вселенная. Попробовать найти себе новую, что ли.

Обшивку что-то царапнуло по касательной. Я скосила взгляд на детекторы массы: вокруг бродили крупные обломки, но основная их часть уже улетела дальше. Вяло вращающиеся глыбы железа расстраивающе действовали на градары, градары дурели и быстро меняли картинку, однако кое-что любопытное там все-таки обнаружилось. В полукилометре среди каши из мелких астероидов ритмично пульсировала слабая точка, настолько слабая, что если бы не ровный ритм, я бы и внимания не обратила.

«Что-то из „Тиморифора“? Маяк? Или это уцелел и активировался второй бот?»

Я просмотрела показания приборов. «Тени» на градарах не было, хотя тревожная лампочка уверенно сигналила: я по-прежнему в сканирующей сфере сверхдредноута.

Итак, план: попытаться добраться до спасательного челнока, соединить их и попробовать отрастить двигатель помощнее. Я задумалась: препятствий до чертиков, и среди них такие убедительные, как «Тень», астероиды и необходимость долго работать в открытом космосе. Бонус один, но какой: если я сделаю все, как надо – а я сделаю, дайте добраться, – то в сухом остатке смогу достать ресурсы. Хоть какие-то.

Все лучше, чем сдаваться Его Мечу. Есть и погуманнее способы покинуть этот мир.

Двигатель, регулировку сопел – сюда, под левую руку, тягу – установить вручную. Дурацкое меню, но какое есть, так что вперед, Алекса, к победе.

Истекая потом, я медленно двигалась к цели. Настырно лез в глаза детектор сканирующей сферы, на бровях висели крупные капли, и вечный страх – а вдруг тут воздуха на последний вдох? – крепко впился в печенку. И еще чуток. И еще. И снова этот дурацкий образ гребли – ну что ж такое, ты никогда не занималась греблей, да и когда ты столько воды живую видела? Нет же, въелось, куда-то в подкорку засело, небось, все это родом из детства, как и страхи, и сила, и вообще все-все.

И – прости, мама. Я даже твой жалкий заменитель не уберегла.

Еще несколько десятков метров, уже почти двести, без малого полпути.

Чертова сфера, ну уйди ты... Тревожный желтый сигнал вспыхивает, выхватывая из темноты убожество бота: узкий ложемент, круглый иллюминатор, приборы и вакуумные шкафчики... Я замедлилась и, подруливая мимо настырной глыбы, расстегнула блузу, которую впору выкручивать. Жарко: красный гигант здорово греет. Не хотелось бы тратить энергию на охладители.

Астероид впереди вдруг мигнул: почти десятиметровая глыба прямо перед моим носом на секунду исчезла, а потом появилась чуть дальше, все так же безмятежно вращаясь. Тепловой удар казался логичным объяснением, но была мысль и получше: впереди, укутавшись в запредельно эффективный камуфляж, залег тот самый непонятный фрегат.

«Но какого же дьявола? Что он такое, если я его слабый сигнал „взяла“ только с полукилометра? Может, там тоже спасательная капсула? Нет, не пойдет, стелс такой мощности требует корабельного реактора».

Самое забавное, что мимо недобитой дичи вполне может пройти даже сверхдредноут. И мой план можно списывать, а взамен получаем что-то вот такое. Я двинулась вперед, приборы возмущенно пискнули, потом мигнул свет, и вид в иллюминаторе изменился: впереди висел вытянутый фрегат с топорной мордой. В двух местах зияли крупные дыры: одна у носа, другая почти открыла верхний пилон. Я поначалу не без удовольствия изучала повреждения, но чем дольше их рассматривала, тем меньше оставалось злорадства.

Проклятый фрегат потерял щит только после трех попаданий (может, и больше: я не видела, когда он нырнул в камуфляж). Меня пробили с двух раз, причем второй же выстрел спек Астрид, а этот говнюк генерирует невероятное поле с двумя дырами в корпусе? Я присмотрелась и почувствовала себя еще хуже: фрегат неспешно заращивал пробоины, и облачка отработавшей плоти туманом застилали внушительные раны.

«А ведь это похоже на план».

Он держит поле – стрелять не станет. Любой всплеск будет почище сигнальной ракеты: «Я здесь», – и канониры СД вряд ли будут протирать глаза в этот момент. За экипажем Его Меча такой лажи вроде не замечено, по слухам, там живых вообще нет, но не суть. Главное то, что даже если на мерзком фрегате меня видят, стрельбы не будет – и это первое.

Передо мной сингл-класс – это второе. Или я уломаю капитана, что работать вдвоем интереснее, или обновлю впечатления от коридорного боя. В последний раз я уничтожила баронианца, который был вроде боевым энергетиком, а по факту – трупом. Труп боевого энергетика в экзоскелете – ну не чудно ли?

Я улыбнулась. Где мой контактный скафандр?

Астрид, угробивший тебя гражданин скоро заплатит по полной программе. Вполне возможно, что своим кораблем.

* * *

Гель быстро застыл, холодя тело, и после мокрой одежды это было волшебным. Жаль только, что не выйдет размяться в этом гробу. Нацепив разгрузку поверх схватившейся ткани, я ткнула в панель, получила обеспокоенное: «Хотите начать декомпрессию?», – и впустила космос в бот.

«Вот так, одним движением».

Вокруг маревом колебалась сфера, сквозь которую картинка пробивалась неуверенно, как через сильные линзы, причем эти самые линзы вдобавок непрерывно текли. Там были струи, были омуты, где звезды и астероиды терялись, были росчерки – все здесь было, в этом поле, о котором мечтают во снах контрабандисты, спят и мечтают, подергивая ножкой.

Впрочем, любоваться мы потом будем.

Крохотные ускорители на поясе дернули меня к цели – крупной пробоине, края которой уже сходились к центру лепестками. Кстати, задевать регенерирующую органику крайне нежелательно. Не хочу портить свой корабль.

Ближе. Еще... Я прижала руки к бокам и ввинтилась внутрь, сразу же упав на пол. Еще один приступ зависти: ублюдок не отключил искусственную гравитацию. Я все больше хотела взглянуть на его силовую установку.

Отсек был изрядно раздолбан и загерметизирован. Луч разрезал какие-то ящики, прошел в коридор, но там виднелась пленка силового поля – и это тоже было круто, контролируемые переборки требуют тонкой настройки, чтобы не порезать случайно целых тканей корабля. Словом, мне нравилась эта посуда. Осталось вырубить тут все средства слежения и подождать.

В камеру я просто ткнула запястным виброножом, а все прочее – оглушила. Потом села на пол и принялась выстраивать тело во вторую позицию бифудху. Сцинтиане, может, и никудышные вояки, но системы релаксации у них на славу: так подогнать суставы и так напрячь мышцы, чтобы нужные сухожилия натянулись, а ненужные расслабились, чтобы в любой момент из положения сидя – в бой, сразу вот сюда, под косточку виброножом. Но это ерунда по сравнению с тем, что творится с разумом.

Я словно бы повисла в космосе. Совсем рядом кто-то сопел, кто-то переживал и боялся. Правильно, бойся, но лучше выходи. Как зарастет борт – так сразу выходи.

Не заставляй себя искать.

Космос странно дышал. Корабль был какой-то неправильный, и в трюме что-то неправильное делалось, но вокруг было столько мощи, столько силы, столько сжатой пружины, что дух захватывало, и удержаться в бифудху становилось все труднее.

Но – надо. Иначе сорвусь и от нетерпения буду вырезать виброножом дырочку.

Так что сиди, Алекса, никто от тебя никуда не убежит. Хотел и мог бы убежать – не стал бы прятаться за полем. Хорошее поле, ничего не выпускает, оно почти идеально, и я сейчас вижу его так, как и надо: как идеально белую сферу, по которой пробегают молнии.

Позади неживая жизнь латает саму себя. Рядом условный враг, а в случае конфликта – безусловный труп. За спиной космос, и больше ничего знать не надо. На самом деле космос всегда у нас за спиной, и многое зависит от того, понимаешь ли ты это Великое Ничто.

Я, наверное, не понимаю.

Готово. Борт заращен, и откуда-то из-под потолка по мне хлестнули тугие липкие плети. Спецпласт – надежно, но малоэффективно, всего-то включить микроволновое противодействие. Что дальше? Сжатие переборок? Я выдвинула запястные виброножи на полную длину и усилила прозрачность шлема.

Тычок в замок.

Пережат в коридор. И сразу же – энергоудар по системам слежения корабля. Нечего тут мне, никакой помощи виртуалов, только я и он. Или «только я и „она“» – не буду же я сексисткой со всей моей биографией, правда? Взгляд на поле заряда скафандра – можно еще раз оглушить ВИ корабля.

Дверь с тройным кодовым замком – у фрегатов так расположен вход в грузовой трюм. Мне пока не надо, но, может... Тень пришла слева, прямо из-за цельной стены, переборка будто выплюнула ее из себя, и я успела только выставить лезвие и уйти назад. Противник махнул куда-то в моем направлении длинным клинком, но это все была чушь, потому что я уже опомнилась.

Подсечка, пережат – и срезать пояс его тяжелого скафандра. Очень уж там много всего.

Враг был в белом костюме с черными вставками. Враг был вооружен изогнутым клинком из структурированного вольфрама, и это неожиданно, но не летально. Всего-то и осталось решить: убить его или взять в плен? Пока я парировала выпад, решение пришло само. Виртуальный интеллект корабля решил сыграть в старую игру, в какую играют корабли с абордажными командами: гравитацию на ноль – и вперед, голубчики, кувыркайтесь. Тем более что обормот в белом, похоже, ждал чего-то такого и замер. Ну а я замирать не стала. Я, собственно говоря, немного училась мукоодо.

В невесомости главное что? Правильно использовать непривычное ускорение и крайне полезное окружение, будто ты шар, а вокруг стенки бильярдного стола, а сукна нет, и луза одна, и эта луза отстреливается или машет мечом, а тебя словно едва-едва поддели кием. Нет скорости, нет драйва, зато какое поле для пластики. Кувырки, толчки, подачи – и все это на восьми условных уровнях вокруг врага, который осторожно движется, чтобы не отлететь, куда не надо.

И он отлетит, конечно, отлетит, но только туда, куда надо. Мне.

С таким умным кораблем ты мне нужен, обормот. Очень нужен, по крайней мере, поначалу.

Еще кувырок, лезвие проходит под грудью – ого, да это прямо предварительные ласки, обормот. Лови. Тычок ногой под основание шлема – и мы разлетаемся. Разлетаемся? Ха, да ладно, скорее расплзаемся, но он ухитрился потерять клинок.

Теперь от стены – и лови меня.

Я ухватила его – вертящегося, потерявшего координацию. Под рукой – раз, вибронож к горлу – два. Активировать голосовой интерфейс – три.

– Прекращаем сопротивление и возвращаем гравитацию. Быстро.

Черное забрало смирно висело в воздухе и шумно дышало: он тоже включил голосовой режим шлема, но молчал. Только тут я поняла, что что-то не так, а заодно сообразила, что за скафандр на противнике. Всего-навсего рабочий костюм техника, а такому в правую руку интегрирован контактный сварочный резак. Температура – тринадцать килограмм, и излучатели этой штуки сейчас торчат у меня под шлемом.

Мы медленно кружились между полом и потолком, и мне как будто только что надавали всей массой «Тени» по голове. Сердце глухо билось, сердце отдувалось за мозг, который оказался поразительно тупым.

Вся эта чушь: спецпластовые захваты, гравитационные игрушки, вольфрамовый клинок, неуклюжесть – все только для того, чтобы сунуть мне к горлу контакты обыкновенного резака и ждать, отсвечивая глянцевым забралом. Такими сварщики аварийно латают сверхпрочную органику, когда нет времени ждать. Такими запекают самонадеянных спецназовцев. Я убью его мгновенно, он меня – столь же быстро.

Чистый, классический, охрененно красивый и изящный пат.

И знаете, мне на какое-то мгновение стало обидно и страшно. Обидно – это понятно почему. А страшно оттого, что этот обормот – там, за забралом, – знал, что едва я войду в корабль, ему не победить. Он все это знал и пошел в бой, рассчитывая именно на пат.

И это интересно.

Он понял: не сможет убить меня. Он понял: не будет диалога с капитаном, у которого астероиды размололи подбитый корабль.

Он, обормот, все понял – и вынудил меня к диалогу.

– Что предлагаешь, умник?

Тишина, тяжелое дыхание, он только что слюну не сглатывает. *«Да что ж ты за слабак?»*

– Ты жив?

Говорить с излучателями у головы – затея не из приятных, как и ему с виброножом у горла. Но говорить придется.

– Жив, – сказал голос. Хриплый от напряжения и невыразительный.

– Молодец. Ну и что предлагаешь?

– П-предлагаю мир.

– А смысл?

– Оба останемся в ж-живых.

– И что мешает мне убить тебя, едва мы опустим оружие?

– После этого ты п-проживешь не очень долго.

«Допустим. Мина на корабле. Сообщники?.. Нет, сомнительно, на меня бы уже напали. Значит, мина, настроенная на его витайонтроллер, например». В принципе, если он так все хитро сложил с разговором и боем, то мина может быть и не одна.

– Подозреваю, что я тебе зачем-то нужна.

Тишина.

«Он что, дурак?»

– Ва-обще-то нет. Я не думал, что ты н-настолько хороша.

Ба-бах. Еще один удар «Тенью» по темечку.

– Чего? Да ты что, охренел? А резак?..

– Контактный ск-кафандр сожгло. Ты как раз в-влезла через отсек, где он л-лежал.

– Но...

– Если бы я знал, что ты спецназовец, я бы просто раздавил тебя силовыми переборками.

Х-хах... Ха. О господи ты боже мой. Какой идиот.

– Ты дурак? В полу тоже есть переборки?

– Н-н... Нет.

Меня сейчас разорвет. В груди будто скакали черти, будто искрились десятки искорок, мне никогда еще в жизни не хотелось хохотать в таком идиотском положении: с резакком у головы вися в невесомости, с дураком чуть ли не в обнимку.

– Убирай оружие. Я тебе верю.

– Н-на счет чего? – осторожно спросило забрало.

Видимо, я слишком весело это сказала.

– Насчет того, что твоя смерть мне ничего не даст. Давай на счет «раз».

– Д-давай.

«Интересно, откуда ощущение, что я схожу с ума?»

– Раз!

Я втянула клинок, он убрал руку, мы разлетелись, а потом он громко сказал:

– «Т-телесфор», статус гражданский. Г-гравитацию.

И уже падая на пол, я услышала приятный женский голос:

– Принято, Дональд.

Глава третья

Стол был блестящим, красивым и широким. Последнее особенно важно, потому как по другую его сторону сидел Дональд, и мне бы очень хотелось иметь между нами существенное препятствие. Это чтобы было время подумать, а так ли я хочу его придушить.

Балбес сбросил скафандр и теперь неловко ежился в летном комбезе с широким круглым воротом. Комбинезон был сер, затерт, а в паре мест и вовсе пропален. И уж чем в быту можно прожечь эту ткань, я не в курсе. Дональд оказался парнем примерно моих лет, худым – ключицы аж торчат. Лицо не сказать, что прямо симпатичное, но в целом вполне милое: весь такой гладенький, чисто выбритый и нос умеренной курносости. Я мысленно поставила ему тройку с плюсом: плюс накинула за глаза. Пальцами пианиста парень сейчас нервно отстукивал по столу.

Блестящему, красивому и широкому.

«Mein Gott, как бы удержаться?»

– Прекрати.

Он едва заметно вздрогнул.

– Что? А, да...

– Итак. «Дональд», значит?

– Д-да.

Поначалу я списала заикание на шок, но с каждой новой его репликой крепла уверенность, что это просто дефект речи. Видимо, его выращивали на планете, где перебили логопедов.

– «Дональд» – а дальше? Фамилия как?

– Просто «Дональд».

Я пожала плечами: кто тебе, болвану, не дает наврать? Так нет, надо всенепременно показать, что ты скрываешься.

– Хорошо. Что скажешь?

– Я? – очень натурально удивился Дональд.

– Ну не я же. По твоей милости я потеряла корабль, сволочь.

Очень хотелось выкричаться – очень-очень. Но пока не стоило: я еще не решила, что мне делать, даже шлем не отключила. Опять-таки, пусть сидит и изучает свое отражение в забрале.

Ну и положеньице. Мы сидим за столом, пока что мирно общаемся, а за стенками корабля – железные астероиды, силовое поле камуфляжа и большая-большая смерть с наостренными ушами. И я, черт возьми, так и не знаю, чего хочу: убить сволочь, погубившую мой «Тиморифор», улететь подальше от «Тени» или просто поговорить с якобы-фу-каким-таинственным капитаном.

– Я тут н-не при чем, – сказал Дональд, сцепляя пальцы на столе. – ВИ «Телесфора» рассчитал оптимальную траекторию выхода из поля обломков. Мы п-просто шли одним курсом...

– «П-просто шли»? – передразнила я. – Вы мирно так себе шли, шли, и тут внезапно – «Тень», да?

Дональд замолчал, глядя куда-то мимо меня. Я прикинула, не дурачит ли меня парень – в духе «оглянись, дура», – а потом поняла: это он от ответа уходит. Нет-нет, так дело не пойдет, обормот. Я из тебя за «Тиморифор» все вытрясу.

– Не тяни. Почему у тебя на хвосте сверхдредноут Его Меча?

Снова пауза, и стол уже кажется не такой крутой преградой – всего-то на пол-прыжка.

– Але, придурок! – рявкнула я.

– Это, м-может, сначала уйдем от него, а потом...

«Мимо».

– Обшивка уже заросла? – спокойнее поинтересовалась я. – Нет? Тогда у нас есть время на полюбовное выяснение отношений.

– Еще надо выйти из поля астероидов...

Я треснула кулаком по столу:

– Прекрати зубы заговаривать! Почему вообще это все произошло? Откуда «Тень»? Кто ты такой, сволочь?

– Я Дональд, – буркнул он. – «Т-тень»... Она привязалась.

«Тепло».

– Ну надо же.

– Д-да. У меня заказ. К-конфиденциальный, – сказал парень, подняв честный взгляд. – В шестнадцатой зоне я п-пересекаюсь с «Тенью», те запросили мои данные и п-потребовали принять партию досмотра...

– Во-первых, гонимо, – я нацелилась в него указательным пальцем. – Во-вторых, тупое.

– Но это п-правда! – вскинулся тот.

Я с сожалением смотрела на парня. Наивная физиономия и открытый взгляд. Увы, ты сегодня встретился с инквизитором, обормот. Голосовые модуляции и микромику от меня никуда не спрячешь, а твое лицо и голос прямо орут: *«Я врунишка! Я сейчас тебе такого нагорюжу!»*

– Это «не» правда, Дональд, – раздельно сказала я. – Выкладывай.

Он вдруг встал, и я напряглась: да, резака у него больше нет, но мало ли: корабль-то его.

– П-пойдем со мной.

«Что за новости?»

– Куда еще? – спросила я, поднимаясь.

– В т-трюм. Покажу груз.

– И на что он мне сдался?

– П-поймешь, почему я не пустил партию досмотра.

Это становилось интересно, к тому же взыграли инстинкты инквизитора, а если инквизитор и бывает бывшим, то инстинкты точно в увольнение не спешили. Я шла за худой сволочью, осматривала узкий коридор и понимала, что здесь все не так. Странный контрабандист на невероятно крутом фрегате напарывается на «Тень», пытается уйти от нее, и сверхдредноут вместо того, чтобы послать по его следу каких-нибудь мелких сошек, сам бросается в погоню. Оно, конечно, действия Его Меча неисповедимы... *«И тем не менее, обормот врет мне, но надеется чем-то убедить. Это все странно, дико странно».*

Я на всякий случай проверила оружие.

– Сюда.

Такого загаженного грузового отсека я никогда не видела. Здесь, похоже, не убирались отродясь: обломки органической тары, которая начала подгнивать, ворох странных тюков – о том, чтобы их закрепить, никто не подумал, и они рассыпались вдоль всего борта. Еще здесь имелся высокий бокс биологической защиты – эдакая цистерна с дверцей из непрозрачного стекла, кольцо оборудования у основания – и один здоровенный ящик с военной маркировкой.

Короче, я бы поисковую партию сюда тоже не пустила. Стыдно.

– Сроч, – подытожила я вслух.

– Т-так трясло ведь, – буркнул Дональд. – И это...

– А принаитовывать грузы ты никогда не пробовал?

Я разочарована: у такого великолепного корабля – а даже ребра жесткости в трюме были великолепны – и такой убогий капитан. Он что, этот фрегат на мусорке нашел?

– Г-гляди.

Я подошла ближе к большому ящику. Сейчас оттуда что-то бросится, какой-нибудь хищный актиноид; меня туда утянет – это, например, гравитационный компактор; там мина... Но обормот-капитан стоял рядом с приоткрытым боксом, и большую часть возможных каверз пришлось отместить.

Бокс был льдисто-серым, как камуфляж климатических войск с агрессивных планет, и маркировка оказалась незнакомой. Я с трудом разбирала слова: там будто кто-то под трафарет набивал жаргонные словечки. А вот под толстой крышкой, которую сдвинул Дональд, обнаружился вполне узнаваемый предмет.

– Восемьсот шестая статья, – сказала я, рассматривая генную бомбу. – Ты в курсе, что ты обалденный говнюк?

– М-мне заплатили, – сухо сообщил Дональд.

Я искоса поглядела на него.

– О, не сомневаюсь. И, полагаю, неплохо. А ты видел когда-нибудь планеты после таких штукосин?

Армия любит такими пугать несговорчивых или негосударственно мыслящих колонистов, и пару планет для острастки обработали вполне официально. Крайне выгодное оружие в торговых войнах, кстати: и соседи становятся шелковыми, и ты получаешь планету уродов, биомассы, и вообще – торгуй не хочу такой кунсткамерой. Самое приятное, что уже через полгода никто не докажет, что использовалась генная бомба: ну, пробудилась фауна планеты, ну, покушала колонии.

Бывает.

Но это все лирика, а вот выводы просты: Дональд – сволочь. На «Тени», видимо, знали о выкраденной генной бомбе (откуда отправители ее свинтили, кстати?), галактика очень жестока, поэтому мой фрегат погиб из-за беспринципного сукина сына.

Курс ему тот же понравился, видите ли.

– Видел, – неожиданно сказал Дональд. – Его Меч сбросил такую на мою родную планету.

«Ни разу не заикнулся», – сообразила я, наблюдая за его профилем, и только во вторую очередь до меня дошел смысл сказанного.

– Ты что, с R6O?

Он оглянулся и с интересом в глазах посмотрел на меня.

– Ст-транно.

«Вот уж действительно».

– Что именно?

– Официально генная бомба там не п-применялась, – задумчиво сказал Дональд. – Биосфера R6O якобы уничтожена взрывной м-мутацией. П-почему ты связала генную бомбу и мою планету? Откуда такой допуск?

Я смотрела на Дональда и понимала, что у обормота есть чудовищный недостаток: он расслабляет. И стоит привыкнуть к мысли, что это идиот, как идиот подмечает чертову мелочь. Ну, и везунчик он тоже, а я... А мне придется осваивать новые навыки.

«Говорить – не говорить? Если говорить, то насколько откровенно?» Я поняла, что судьба Дональда уже определена. Где-то там, внутри, я на самом деле решила, что заключу с ним договор – пусть временный, но договор. Он мне лично отработает мой «Тиморифор». И каждую капельку пота от ручной гребли к его фрегату. И каждую...

«Короче».

– Меняемся. Ты рассказываешь правду о себе, я – о себе.

Он некоторое время изучал меня, и в черноволосой головенке происходило что-то страшное. Ну, давай, обормот, не может контрабандист быть тупым-тупым дураком, давай, сделай правильный выбор.

– А п-потом?

О, а он и впрямь не так чтобы очень глуп.

– Потом? Поглядим. Ты мне должен очень хороший фрегат.

– З-за что?

– А ты, парень, наглец. Стреляли вообще-то не по мне, я мирно себе летела.

– Ты почему-то п-пряталась. Я до па-пальбы тебя не видел, – парировал он.

«Тише! Так, это становится уже скучно».

– Не борзей. Я заметила твой выхлоп и включила камуфляж. Откуда мне знать, кто ты?

– А по-потом ты убегала от «Тени». М-могла включить экраны и б-бросить в эфир свои идентификаторы.

«Ах ты ж, мелкий паразит». Этот малый торговался, чтобы сбить цену уже очевидной сделки, и он очень ловко прикинул, что мои проблемы с законом могут оказаться лишь чуток краше его собственных.

– И все же предлагаю не борзеть, – сказала я. На моей стороне были поставленный голос и непрозрачное забрало шлема. – Ты мне только что сам показал генную бомбу, или это аппарат для газировки? Может, мне тебя повязать и сдать Его Мечу?

«Ого». Это оказалось неожиданно. В глазах контрабандиста на какую-то долю секунды появился самый настоящий дистиллированный страх: то ли родная R6O ему вспомнилась, которую превратили в инкубатор разросшейся биомассы, то ли еще что, – но это был отличный страх. Черненький и глубокий. Возможно, я бы его разглядела, даже не будучи инквизитором.

– Д-договорились.

Отлично. Голосок – то, что надо: тихий, слабый, неуверенный. Я понимала, что расслабляться с ним не стоит, но обормот явно и честно принял нелегкое решение. Я знала, что это победа, знала, что теперь надо расширять плацдарм и бросать сюда еще десант, надо брать в руки отличный корабль и до поры – этого недо-капитана. Это все прекрасно, неожиданно прекрасно, мне нравится развитие событий, только вот почему непременно должно быть некое «но»?

Генная бомба ужасна, настолько ужасна, что просто вау. И тем не менее, говоря о причинах бегства от «Тени», этот маленький паршивец мне наврал. Значит...

– Славно. Идем общаться в каюту, что ли? Или остальной груз настолько же крутой?

– Н-нет, – сказал Дональд, энергично помотав головой. – Мелочевка.

– И я могу посмотреть?

– Д-да ради бога.

«Дин-дон». Еще одна ложь. Я осмотрелась: тюки, разбитые волосатые контейнеры, еще какой-то хлам, бак биологической защиты... Я наблюдала за тем, как Дональд отслеживает поворот моей головы. И – стоп: значит, бак.

– Это что такое?

– Это? Бак. Д-для перевозки существ в анабиозе.

«Хм. Да ты просто гений». Я подошла и положила руку на непрозрачное стекло.

– Криобокс. Старье. Он активен?

– Н-нет.

Сзади шаг – ко мне. Я нащупала в перчатке триггер запястного клинка и обернулась к нему.

– А ты чего такой дерганный, а? Что в нем?

– Д-да нет там ничего! – воскликнул Дональд. – Так что с договором?

О, да. Это оно. Ты паникуешь, «просто Дональд», мощно паникуешь, давай, оближи губы еще, потому что твой пульс я слышу даже отсюда без всяких усилений сенсоров. Любопытно и, честно признать, страшно: в этом баке находится что-то, что куда хуже или куда ценнее, чем генная бомба.

– Ну-ну. Договор? Хорошо. Хочу семьдесят процентов с этой твоей доставки.

Дональд окаменел. Сжатые кулаки были куда красноречивее физиономии обормота. *«Ты жалок, приятель. Как же ты торгуешься с заказчиками? Как блефуешь, уходя от жадных нанимателей, которым не хочется отпускать тебя с деньгами?»*

Эх, дурак, повезло тебе с кораблем. Очень повезло.

– Семьдесят? К-к черту. Какие еще п-проценты?

«Хм?»

– Какие еще п-проценты? – повторил Дональд. – Открывай бак, там ничего н-нет.

Ну надо же, как твердо, сдуреть можно. А ты неплох, Дональд, совсем неплох.

– Ладно, – сказала я. – Насчет процентов мы еще посмотрим. Обсудим в каюте.

Дональд кивнул и повернулся, чтобы уходить из трюма, уверенно так, почти по-хозяйски повернулся, подтверждая мое впечатление: не безнадёжен. Но ему не повезло сегодня, потому что я – инквизитор. Одним тычком в управляющий блок я вызвала меню и вжала клавишу экстренного открытия цистерны.

– Нет!

Он почти напоролся на выставленный клинок – да его вообще, похоже, больше ничего не волновало. Он весь был там, у контейнера, где уходило в стенку скругленное стекло, откуда шел ледяной пар, и сенсоры моего скафандра пискнули, сообщая, что там все плохо и холодно.

А потом из замороженного облака лицом вниз выпало тело.

На ослепительно белой коже тонкой паутиной застывал иней, он покрывал голубизной спутанные белые волосы. Девушка. Массивные черные браслеты на запястьях и похожие анклеты на щиколотках казались слишком тяжелыми для худышки.

«Это что, ограничители?»

Теперь есть причина грохнуть симпатичную сволочь. Он как чувствовал, что я сочту «охоту за головами» чем-то пострашнее генной бомбы.

Я прискорбно не согласна с уголовным кодексом.

Ненавижу.

– Приторговываешь плотью, мудак? – прошипела я, сбивая застывшего парня с ног. Носком под ребра – и выброкинок к горлу. – Беглая? Чья-то дочь? Кто она?

– Хр-р-р... – сказал черноволосый засранец. Он норовил свернуться в клубок, но я ему не давала.

– Умри, сволочь!

– Н-не надо! – выкрикнул он.

Наверное, это рефлекс. Или опыт. В любом случае, я поняла, что «не надо» – это не ко мне, хотя лезвие уже впивалось в его шею. Я обернулась и крутнулась в пируэте, ловя картинку и стараясь умять ее в мозг.

«Пленница» вставала с пола, с нее мелкой пылью осыпался иней, а браслеты-анклеты взорвались струями дыма. Дым лип к белому телу, дым скрывал небольшую грудь и поджарый живот, дым опутывал ноги, а над всем этим буйством коллоидного скафандра разгорались алые глаза.

Так я это все и запомнила: дым, без единой кровинки лицо и алые глаза.

А потом картинка моргнула и изменилась.

– Рея, не надо!

Дональд, раскинув руки, встал между мной и ею и громче повторил:

– Не надо! Пожалуйста!

Это было дико, а я ведь повидала всякой всячины. Странное существо, затянутое в черно-белый скафандр, глядит теперь в лицо стоящему перед ней препятствию, а я уже почти собралась как-то активно отреагировать, когда Дональд, не оборачиваясь, сказал:

– Выйди в коридор, пожалуйста.

«*Не заикается*», – поняла я за дверью. А еще мне казалось, что я стала свидетелем семейной сцены. Стоять дура-дурой пришлось недолго, но я успела понять, что сбило меня с толку. Я проворонила угрозу потому, что эта худая красноглазка сориентировалась в пространстве слишком быстро. Словно и не сидела до того в криокамере. «*У нее должны мозги оттаивать и суставы крошиться. Как она встала? Я уж молчу об активации скафандра...*»

Дверь зашипела, и вышел Дональд. Если я что-нибудь смыслю в несчастных выражениях лица, то его гримаса была как раз из их числа. И как это все склеить с произошедшей сценой – не понимаю. Ни в одном глазу.

– Что это было? – спросила я, заглядывая ему за спину.

Там был набитый и замусоренный трюм, там стоял закрытый криоблок биологической защиты, и вообще: мне все померещилось, только вот на роже у оборота очень уж красивый след моей ноги.

Дональд прислонился к стенке, не глядя на меня.

– Я спрашиваю, что это...

– Слушай, сн-ними шлем, а?

Он меня прервал. Он, непонятный недоносок на непонятном корабле с непонятной красноглазой дрянью в трюме. Но он просил так жалобно, словно вымаливал воды человек с сожженным животом. Я стиснула запястье, шлем взорвался облачком газа, и пока тот втягивался в приемные сопла, Дональд во все глаза изучал меня.

– Ты к-красивая, – буркнул он как-то по-детски.

«*Красивая...*» Когда тебе, госпожа бывший инквизитор, комплимент в последний раз делали, а? Не в баре – «Какая попка!» – а именно комплимент?

– Ты мне зубы не заговаривай, – сказала я. – Кто это такая?

Тишина образовалась неуверенная и хрупкая. Но моя голова работала. Где-то я встречала дикое сочетание мертвенной бледности и красных глаз. В комплект прилагалось что-то вообще запредельное. Опираясь на теплую стену замечательного фрегата, я смотрела сквозь бормочущего капитана, а на самом деле копалась в памяти.

Не надо завидовать памяти инквизитора, договорились? Потому что ответ был, и он, разумеется, нашелся.

– Это что, Лиминаль? – только и спросила я.

Дональд заткнулся, как если бы я ему залепила плюху. Ума, кстати, не приложу, что за бред он там городил, пока меня не было.

– Эм, н-ну, да.

Наверное, самые глупые три слова, которые можно услышать о Лиминали. И уж точно – самое глупое место о ней говорить, когда корабль Его Меча так близко. «*Ты, кажется, не верила в карму, Алекса?*»

– Ничего не понимаю, – честно сказала я. – Почему одна из Лиминалей на «Телесфоре»?

– По-последняя из Лиминалей.

– Радужное уточнение, Дональд. Ну?

Капитан выглядел куда хуже, чем после драки в невесомости. А меня разбирало любопытство: в конце концов, я только что видела невозможное, это самое невозможное меня собиравалось прикончить, почему-то не прикончило, и вот я, стоя в теплом коридоре, разговариваю с сопляком, который что-то знает.

– Д-длинная история, – потерянно сказал Дональд. – Д-давай в другой раз, а?

Да ладно.

– Послушай, дружище, – я, черт побери, была очень зла. – Давай я расскажу, как это все выглядит. У тебя на корабле последняя из Лиминалей, ты ее держишь в криокамере, и она почему-то считается с твоим мнением. Как минимум один из этих фактов – чушь. Надо объяснять, почему?

Он опустил глаза и покачал головой.

«Да что с ним, а?!» Я уже сделала шаг, чтобы как следует потрясти паршивца, когда до меня дошло. Так выглядит человек, который понимает: расскажи он сейчас историю – и пути назад не будет. Мои подследственные обычно после такого или шли в полный отказ, или каялись во всем, подписывая себе хоть частичку снисхождения.

Словом, это называется: «После моего рассказа я навсегда в твоей лодке».

Черт, а ведь волнительно, а? Тем более что это я нахожусь в его лодке.

– Его М-меч послал Рею убить меня.

Первый вопрос звучал так: да кто ты такой, чтобы Его Меч отправлял по твою душу Лиминаль? Меня это страшно интриговало, но куда занятнее оказалось противоречие: за Дональдом послали Лиминаль, но Дональд стоит передо мной.

– И почему же ты до сих пор жив?

– Д-длинная история.

«Бесит».

– Слушай, ты! Мы договорились обмениваться информацией друг о друге, или как?

Он кивнул и решился. Черт меня побери, этот оборкот на что-то решился.

Я за него даже рада.

– «Т-телесфор», разблокируй запись «Рея», – сказал Дональд в пространство и поманил меня за собой.

– Принято, Дональд.

Коридор пульсировал волнами жара: мощная корабельная установка изо всех сил драконо-нила органику, и фрегат восстанавливался так быстро, что это ощущалось – вибрацией, нытьем в ушах на пределе слышимости. Я вдыхала воздух этого корабля безо всяких фильтров скафандра, и запах мне нравился.

«В сингл-классе пахнет не корабль, а капитан», – некстати вспомнила я и скривилась, глядя в спину парня. Идти получалось только друг за другом: корабль был теплым и хорошим, но далеко не курортным лайнером.

– П-присаживайся.

Рубка оказалась просторной и светлой, мерцал выделенный экран с таблицей файлов. Сама система показалась незнакомой, но разглядеть подробнее не удалось: началось воспроизведение видео с пометкой высшего капитанского доступа.

– Сначала п-преамбула, – сказал Дональд, сразу же нажав паузу. – Я попался на к-крупной сделке. Фактически сорвал т-тайный перевод денег по личному каналу Его М-меча.

Занимательно. Во-первых, как ему это удалось? Во-вторых, оказывается, что везунчику везет далеко не всегда. Я бы, например, ну никак не хотела знать хоть что-то о личных финансах Его Меча. Это крайне вредная информация.

– Круто, – сказала я вслух, ожидая, пока Дональд возобновит воспроизведение.

Судя по первому кадру, меня ожидала штатная съемка встроенной камеры скафандра. Метки в поле зрения говорили о скафандре высшей защиты – «чиф-скаф», «эл-эл-сек» или что-то в этом роде.

– Д-деньги я снял немаленькие, п-потом узнал – чьи. Это было... м-м-м... неп-приятно.

«Сколько же ты подгузников обделал, когда это понял, а?» Видимо, взгляд у меня получился красноречивым, поэтому Дональд скомкал объяснение:

– К-короче, тогда и решили м-меня устранить. Его М-меч поручил это дело...

Я подняла руку: малый явно куда-то торопился.

– Стоп-стоп, Дональд. Давай-ка проясним: откуда у фрилансера данные о денежных каналах канцлера Империи?

– Б-баронианцы. Его М-меч спихивал им старые технологии. Они на поверку оказались слишком старыми, и бывшие п-партнеры наняли меня...

Да, схема увлекательна – и так же маловероятна. Если что, мы с баронианцами воюем холодным способом, и на эдаком фоне торговля в верхах выглядит просто убийственно. Сказать обормоту, что его хотят убить не за деньги? Хотя... Он и сам, надеюсь, знает.

Пока Дональд распинался о тонкостях аферы, я его разглядывала: детали меня не интересовали, а вот общие ощущения – причем мои собственные – оказались неожиданно любопытны. Я сижу на замаскированном корабле, вокруг сплошные непонятности, капитана разыскивает Его Меч, нас вот-вот накроют, а на экране сейчас покажется что-то интересное... На фоне этого бедлама я, кажется, начала понимать, почему сбежала. Понимать, что лучшему пилоту, лучшей Алексе в галактике не хватало азарта. Вспомнилась сцена в кабинете у Хименеса, вспомнилось, как я хотела начать все сначала – и гори в аду эта состоявшаяся личность инквизитора. *«Ты получила кое-что получше, чем чистый лист: чудовищный экипаж, вечный враг на хвосте – и плевать, что это не твой враг. Плевать на то, что это не твои интересы и не твоя игра».*

Мерцал экран, Дональд все бубнил, а я жалела об одном: за такую интересную жизнь платой пошел мой Алый.

– ...ее корабль рванул и рухнул на п-планету.

«Ох, я пропускаю».

– И что за планета?

– Б-безымянная, глубоко во фронтире.

– И ты спустился за ней, – кивнула я. – Зачем?

Дональд пожал плечами:

– Н-не знаю. Х-хотел добить. Наверное.

Болван, мало тебя по вселенной гоняли. Если твой «хвост» отвалился, дай вслед залп «линейкой» и уходи двумя прыжками в случайном направлении – вот и вся философия убегающего.

– И?

– И – в-вот.

Он наконец снял видео с паузы, и по экрану пошли помехи, потом открылось что-то похожее на корабельный люк. Дыхание человека в скафандре было прерывистым и тяжелым: Дональд волновался – и было от чего.

Корабль повалил при посадке хрупкие на вид желтые стебли, больше похожие на кристаллы. Целый лес ветвистых друз уходил к скалам, из которых хлестали парогазовые потоки. Серо-синяя мелкая взвесь в воздухе, розоватый диск светила невысоко над хребтом буйного камня, и облака-ленты от горизонта до горизонта.

Страшные красоты, неприятная, больная какая-то цветовая гамма. Хотя в сторону лирику: физика на этой планете тоже радовала. По периметру картинки скафандр выдавал данные о среде – какой-то дикий изотопный коктейль газов, все активное. И фон был под стать.

– Это что?

– Это в м-микрoзвертах в час.

Значение изрядно напрягало, я бы и шагу не сделала по такой планете, а этот балбес вышел наружу, прямо на обломок чужого корабля.

– Ты совсем ушибленный, что ли? Собирался в этом лесу искать Лиминаль?

– Я ее в-видел, когда приземлялся.

Дональд смотрел на экран слегка растерянно. Так смотрят на детские фото: связано с ними много, они тебя смущают, это твоя история, и тебе неловко показывать их кому-то. Но ты ведь взрослый, и уже прорезалась потребность поделиться с кем-то своим детством.

«Да. Тяжелое детство».

– Знаешь, Дональд, я догадываюсь, чем кончится фильм. Лиминаль заманила тебя на эту планету, верно?

– См-мотри.

В прицельных метках стояла знакомая фигура. Ветер трепал короткие белые волосы и длинную косичку, ветер хлестал ее сотнями зиверт в час – даже для Лиминали это перебор. Щиты скафандра натурально трескали под натиском радиации, и я решила, что рядом с этой системой рвануло что-то крупное, а может, это вообще система нейтронной звезды.

Больная жизнь вокруг завораживала. На фоне оттенков желтого испорченный скафандр Лиминали выделялся грязной кляксой. Дональд поднял в поле зрения камеры турбоплазменный излучатель – такого хватит, чтобы испарить штурмовой челнок. Здесь в прицеле была только худая девушка в дымящемся коллоидном скафандре: скафандр не выдерживал насыщенного облучения.

По сенсорам бил ветер, что-то ревело вдалеке, а Дональд все медлил с выстрелом.

«Ну же, давай».

Боже, что за хреновый триллер.

Оборот поднялся чуть выше, и стало видно, что Лиминаль остановилась над берегом чего-то – назвать это водой язык не поворачивался. Лужа дрожала, над ней поднимался пар, за паром виднелись знакомые дрожащие кристаллы. Больные цвета, совсем-совсем чужая человеку симметрия во всем.

Медленно, будто в густой жидкости, Лиминаль обернулась к Дональду, и излучатель дрогнул.

Из глаз девушки текла кровь. Кровь сразу застывала, но на ее место выползали новые капли. Скафандр мигал, по сути, на ней вообще уже не было защиты, только облако частиц вокруг тела.

– Как... Как здесь красиво.

Голос был тихим и ужасно удивленным, этот голос будто привыкал к самому себе.

Лиминаль опустила на колени и провела ладонью по песку. Я поморщилась: этот песок можно прессовать в ТВЭЛы и продавать отсталым мирам. Голая белая ладонь, играющая с песком, – и бегущие цифры в уголке картинки.

«Бр-р-р».

– Кто ты?

Коленопреклоненная девушка подняла руку, и между пальцами посыпался легкий песок. Песчинки летели прочь, а Лиминаль смотрела прямоком в прицельную метку излучателя. Метка дрожала крупной дрожью, словно перепила накануне.

– Кто я?

Изображение окрасило алым, и запульсировала надпись: *«Щиты перегружены! Обеспечьте...»* А потом картинка пропала. Как скучно, подумала я. Развязку можно додумать: Дональд, обливаясь потом и обдываясь на ходу, затащил эту непонятно почему живую милочку на корабль. Дальше логике и здравому смыслу места нет вообще: Лиминаль выжила.

Конечно, за то, что Дональд сохранил «последнюю из», – честь ему и хвала от «Книги утерянных видов», но глупо-то как.

– Она н-ничего не помнит, – грустно сказал Дональд.

«Тебе повезло, обормот».

- И на что она тебе сдалась? Пол-корабля заразил, небось?
- Она в-вывела всю радиацию за сутки. «Т-телесфор» – за трое.
- Мило, но это не ответ. Зачем она тебе понадобилась?

Дональд вздохнул:

- Т-тебя там не было. Ты не п-поймешь.
- Ну, моя очередь вздыхать. Куда уж мне.
- Ясно. Допустим. Почему она в криокамере?
- Она заб-болела.

«Насморком», – закончила я про себя. Ржать хотелось ужас как, но поскольку мое состояние пахло истерикой, приходилось сдерживаться. Тем более что обормот соизволил продолжить. Глядя на мерцающие приборные панели, он просто говорил, говорил, говорил...

– Какая-то особая лучевая б-болезнь. Через час активной жизни она слабеет, еще через час впадает в к-кому на месяц.

- И ты захотел ее вылечить?
- Н-ну... Да.

Жалок и безнадежен.

– И ты, конечно, в курсе, что Лиминаль формально мертва? – с надеждой в голосе спросила я.

– П-первый Гражданин формально уже в-восемь тысяч лет как издох, – огрызнулся Дональд. Видимо, состояние его драгоценной убийцы-неудачницы было очень большой темой. Так и запомним.

- Сравнил, еретик. Думаешь, можно найти лекарство от болезней жизни после смерти? Он пожал плечами:

– З-знаешь, я не верил, что выпотрошу счет Его М-меча. Да в-вот хоть мы с тобой. Скажи, так бывает?

Станный у него взгляд. С другой стороны, а какой взгляд может быть у человека, чья наивная вера и глупость получают оправдание на каждом шагу? Это взгляд везунчика, и я буду не я, если не повожу его мордой в грязь.

Но – потом.

– Итак, зарабатываем деньги на нас всех, бегаем от твоих преследователей, ищем лекарства для твоей Реи. Я ничего не попутала в заданиях?

- Хм. Заб-была своих преследователей.

А, ну да. Я снова расслабилась.

- Ладно, плюсуем это.

– И лекарства – это г-главное.

- Но-но, не борзей. Зачем тебе так понадобились лекарства? Вам часа в день мало?

Дональд ничего не сказал, но выражение лица у него было крайне нецензурное, даже кончики ушей порозовели. Милый малыш. Милый и страшный, потому что я его не понимаю.

- Не дуйся. Лучше дай мне капитанские полномочия.
- Чего?! Зачем тебе полномочия?

«Спасибо, я уже поняла, что ты не заикаешься, когда взбешен или взволнован».

– Потому что обшивка уже почти восстановлена, а значит, нам пора лететь. А значит, нам нужен лучший пилот. Намек ясен?

В рубке стало очень тихо, в глазах у Дональда плясали отблески приборных панелей, там были негодование и обида, а еще – сомнение. Он просто не понял, что у него нет выбора.

- Давай быстрее, мы на кино и так много времени извели. Командуй виртуалу.

– «Т-телесфор».

– Слушаю, Дональд.

– Передать летные п-полномочия...

Он запнулся и посмотрел на меня. Ах да, я невоспитанная девочка.

– Меня зовут Алекса.

Дональд кивнул вместо «будем знакомы» или «очень приятно». Он тоже невоспитанный мальчик, но, впрочем, ситуация и не обязывает.

– П-полномочия – Алексе.

– Принято, Дональд.

Я уселась на ложемент. Поерзала.

– «Телесфор», низкоуровневую настройку реактора на второй экран, векторные данные возможных прыжков – на пятый. Остальное обсуждаем уже в синхре. И интерфейс синхронизации давай сразу, ага?

– Принято, Алекса.

Я тонула, копье легко пробило мне разум, и ускользящим краем человеческого сознания я зацепилась за картинку: Дональд вышел из рубки. Извини, парень, зато у тебя есть цель жизни и корабль. Унижение в обмен на сохранение того и другого – не самая крупная плата.

Ты уж мне поверь.

Глава четвертая

Незнакомый фрегат кипел – мощный, великолепный. Бурлящая сущность машины вливалась в меня, насыщая болью и восторгом, скрепляя намертво человека и корабль. Я висела в огромном силовом пузыре, я ощущала чужую мощь, и на языке вертелся горький привкус одного-единственного слова:

«Измена».

Прости, Алый, но это слишком великолепно.

Наверное, так изменяли любимому в ночь после его похорон – черт, красивым, наверное, был мир, когда были кладбища и обряды. Восторг от краха условностей, горечь собственных противоречивых чувств, страсть – все это заменил мне космос.

Звезды и я.

Реактор, силовые пилоны, энергетические контуры, оружие – я перебрала сознанием корабль, и в каждой крохе, в каждой чешуйке живого металла нашлась частичка потрясающего гения, и самое время испытать эту гениальность.

– «Телесфор», градары. Объект – «Тень».

Хватит играть в прятки. Вакуум поплыл прочь, сфера камуфляжа звякнула в сознании, и сквозь мельтешение глыб я увидела его – колышущийся призрак из мрака, а секунду спустя что-то острое взрезало мне голову над бровями.

– Активный сканирующий сигнал. «Телесфор» обнаружен, Алекса.

Ну и ладно. Дюзы к врагу – и вперед.

– Прицельный маркер главного калибра. Обнаружен энергетический всплеск...

Скрипнув зубами, я ушла вниз в самый последний момент – как раз перед тем, как восемнадцатикилограммовая болванка главного калибра смела астероиды на метр впереди. Что ж, раз пленных брать не будут...

Я напружинила ноги и нырнула в туннель, пробитый сверхдредноутом среди астероидов. Там таяли обломки, и щитам стало больно. Железо впиалось в них, но это была ерунда, а вот пятки серьезно припекало огнем носовых батарей «Тени». Я рискнула отвлечься и посмотреть, как дела у преследователя.

«Тень» сокращала расстояние. Огромный кусок тьмы испарял астероиды щитами, все больше звезд исчезало за его тушей. Приближался тот миг, когда он безошибочно наведет главный калибр или хотя бы тяжелые гразеры. И мне не увернуться из-за перегрузки.

«Да ладно».

Срочно что-то надо сделать, потому что ты быстр, «Телесфор», но если не прыгать – «Тень» быстрее. Не пойму почему, но быстрее. И перегрузка-то нарастает... *«Перегрузка»*. Это страшное слово, и я вспомнила один из своих умозрительных трюков времен космоходки.

– «Телесфор», заряжай «линейку».

Мне за это поставили «F» и позорили при всем курсе. Кто-то смеялся, а отличники – нет, хоть каждый из них и рад был зарыть выскочку Кальтенборн. Умницы понимали, что рыжую распекают не за само решение, а за чудовищный риск. Риск в космоходном училище, увы, не преподавали.

– «Телесфор», максимальная перегрузка? Время – от секунды до трех.

– Предельная или эффективная? – уточнила виртуалка.

– Эффективная, разумеется. Хотелось бы стрелять и прыгать сразу после.

Ноги чертовски жгло, мышцы подводило: я шла почти на пределе крейсерской скорости.

– Восемь тысяч g...

«Пф-ф-ф... Хватит вроде».

– ...Внимание! Внутри фрегата перегрузка не может быть полностью поглощена.

А, черт. Я вызвала карту энергетической защиты корабля и почувствовала, как вскипает мозг. «Телесфор» глотал пустоту, глотал щитами возрастающую мощь батарей «Тени», а я считала и считала, но по всему получалось, что, защитив только трюм и жизненные отсеки, я все равно получу около трех секунд сорокакратного «жэ».

«Выдержишь?»

В животе пекло: то ли реактор, то ли один из кошмаров космонавта. Гравиполе карлика, сверхтяжелая планета, сбрендивший генератор поля тяготения... Все мы боимся бешенства невидимой силы. Конечно, можно распределить и «нагрузить» трюм, но там экипаж.

Мой экипаж.

Оно ведь какое дело: в мультиклассе капитан физически не может отвечать за всех, это просто так придумывают фанатики офицерской чести. А сингл жесток к совести – или ты один на один с кораблем и третьи лишние, или бери на себя все.

– «Телесфор», прими схему перераспределения компенсаторов. А вот тебе координаты для прыжка.

– Принято, Алекса. Внимание! Анализ показывает...

«Еще бы».

– Заткнись. Просто заткнись.

– Зафиксирован...

Я не стала дожидаться и увела себя в сторону. Вот и проверим компенсаторы.

Второй выстрел прошел совсем близко, я едва успела поймать щитом кипящие обломки железа. И железо появилось во рту – много-много теплого, терпкого железа. Мое маленькое тело на кресте ложементов сейчас неплохо получило.

«А ведь это всего-навсего семнадцать „жэ“», – напомнила я себе.

Звезды неслись мне навстречу, а я все колебалась. Одно дело – бравировать перед наставником и другими курсантами, а другое – переносить выкладки в реальность. Все же школа готовит нас к жизни, которой не существует.

«Самое время для цинизма», – подумала я и распорядилась:

– Сверхмассивную торпеду к бою, задержка шесть секунд.

– Принято. Введите координаты...

– Залп прямо перед собой, отклонение от курса на минус ноль-ноль три.

– Не рекомендуется, взрыв...

– Завали пасть. Пожалуйста.

Ты слишком хорош, «Телесфор», но я – не этот мямля.

– Пуск!

Голову раскололо. Торпеда без отдачи рванула вперед, она ползла медленно, едва шла, лишь немного быстрее меня, и секунд уже осталось четыре...

Три.

Две.

Одна.

В шестистах метрах передо мной вакуум вспенила недолговечная черная дыра. Моя скорость, мое ускорение, плюс ее гравитация, минус везение, умножить на дерьмовость моей личной кармы, в которую я не верю...

Корабль почти прошел зону сверхгравитации, с меня будто заживо содрало кожу, а потом развернуло кувырком через голову, и вот это уже было по-настоящему – «Ай!». Будто каждую клеточку посадили на крючок, каждый крючок – на леску, а каждую леску – рванули.

В покрытом кровью поле зрения мелькнуло рыло «Тени».

– Огонь!

«Линейка» добавила мне боли, хоть я и не понимаю, куда там еще было совать, а потом курс выровнялся, и я оттолкнулась ногами, ныряя прямо под «Тень», – я ее даже не задела, даже не поцарапала, лишь на долю секунды ошеломила выстрелом, но как же прекрасна эта доля, как здорово, что ни один мультикласс не способен повернуть такое... Как прекрасен ты, «Телесфор», потому что...

– Прыжок!!

От неминуемой смерти я уходила в смерть весьма вероятную, меня рвало на куски, но это был триумф. Они все неправы – они опять все неправы, а права вовсе даже – я. Потом я очнусь и соображу, что переворотом через черную дыру я почти в упор жახнула по «Тени».

Что я пережила две с половиной секунды сорокакратной перегрузки.

Что я ушла в прыжок под брюхом сверхдредноута.

Что я – дурище, но дурище чертовски классное.

Когда я пришла в себя, космос выглядел совсем по-другому. Я пропустила всю изнанку и очухалась сразу после выхода из прыжка.

– Алекса, твои жизненные показатели стабилизированы, но я рекомендую транспортировку ложементов в медотсек. Дренирование брюшной полости...

Кто это? «Телесфор»?

Я встала. Кажется, в животе и впрямь много крови, ну а на мышцы лучше внимания не обращать. «Маячки» в моем теле завывали, подтверждая сообщения виртуального интеллекта. Витаконтроллер держался, но неуверенно.

И это и впрямь больно. Хорошо, что медотсек рядом.

– Алекса!

Я протерла глаза, и только когда это не помогло, сообразила, что пелена и кровавый туман внутри.

– Брысь с дороги, Дональд. Не видишь – победитель идет.

Язык ворочался тяжело, но сболтнуть что-нибудь было критически необходимо.

Дверь разошлась, и я вступила в медотсек – здесь все блестело, задвигались приборы, почуяв добычу. Давайте-давайте, я вам задам задачку.

– Алекса, т-ты... У тебя кровь по всему лицу!..

«Это ты, обормот, еще мою селезенку не видел», – подумала я, отключаясь на столе.

* * *

Я открыла глаза. Над головой меркли рабочие лампы.

– Реставрационные мероприятия успешно завершены, Алекса, – доверительно сообщил голос.

Какой хороший голос! Осталось вспомнить, где я. Госпиталь инквизиционной службы? Медотсек «Тиморифора»? Нет, не пойдет: Алого больше нет, значит, я на «Телесфоре», и накануне ушла от такого врага, от которого еще никто не уходил. Ну, этот Дональд, конечно, уходил, но не из таких обалденных обстоятельств.

Память пощелкала звеньями и послушно свернулась, а я тем временем ощупывала результаты «реставрационных мероприятий»: лицо еще скользкое после гелевой обработки сосудов, во рту торчит какая-то дрянь – наверняка зонд. Тело... Телу, черт возьми, холодно, потому что проклятый коллоид, по-моему, везде.

Я села, и тут больничное оборудование додумалось наконец помыть болящую.

– Э, а ну, пошли вон, – приказала я патрубкам, и они втянулись в операционное кольцо, а само кольцо пошло по направляющим к изголовью. Во всем теле плясали веселые искорки

после реактивации нервных окончаний, тревожные «маячки» молчали, витаконтроллер был удовлетворен состоянием хозяйки, и вообще – все удалось, как всегда.

На случай, если кому вдруг интересно, меня пересобирали по кусочкам три раза, и жалкие сорок «жэ» – не в счет. Это так, по мелочи, по краешку.

Я завернулась в выданную мне оборудованием простыню, задумалась было, где мой скафандр, и решила для начала помыться. Пол оказался теплым, и я прониклась к «Телесфору» самой искренней любовью. Вот что значит хороший реактор: можно не экономить даже на мелочах, и это после рывка, прыжка и интенсивной терапии, на которую энергии ухнуло караул сколько.

Я как раз обнаружила дверь в медицинский душ, когда комм-линк ожил.

– А-алекса?

– Привет. Я иду в душ, переключись туда, если настроен поболтать.

Я-то сама именно что настроена – не иначе, кибер-медики серьезно обкололи. Но это все ерунда. После такой победы можно и снизойти. После такого поболтать хочется, и это очень, очень скверная особенность сингла: полное одиночество после боя. Вот так и влюбляются в виртуальные интеллекты кораблей, устраивают им синтезированные тела и бегают потом по полжизни от ликвидаторов Комитета этики.

В душе я сразу обнаружила регулятор, выслушала негодование от мединтерфейса и поставила температуру на максимум. Жить – это вообще не очень здоровое занятие.

– Так что скажешь, Дональд? – поинтересовалась я, зажмурившись под струями воды.

В комм-линке прокашлялись.

– Н-ну, что скажу. Сп-пасибо...

И снова – только шипение струй, плеск и гудящая кровь в ушах. Стенки крохотной кабины окутывал пар.

– Да на здоровье. Если ты не помнишь, то я и сама на «Телесфоре», так что ради себя тоже старалась. И что за нездоровая тишина? Ты камеру наблюдения включил? – спросила я.

– Н-ничего подобного!

Я хмыкнула.

– «Телесфор»?

– Да, Алекса.

– Камера в душе включена?

– Нет, Алекса.

«Ну и дурак».

– Молодец, – сказала я вслух. – Где мы находимся?

– Пятый сектор, внешние п-пределы аграрного мира G78, – сказал Дональд подозрительно ровно. Обиделся, не иначе. – М-местное название – Халона.

Я пошевелила пальцами на ногах. Я озадаченно потеряла шею и уперлась лбом в стенку – все же душ непомерно расслабляет: карта сектора упорно не хотела вставать перед глазами.

– И что мы здесь забыли? Ты что, прыгал, пока я была в отключке?

– Ну да. Мы тут п-по делу.

Как-то все интересно оборачивается, забавно, я бы сказала. Дел у него всего два: или бомбу сдать на руки заказчику, или лекарство для его немертвой красавицы достать. Оба одинаково плохи для такой дыры, как Халона, – здесь редкий спектр солнца, в котором растет фиолет, куча пузатых купеческих транспортов, биржи, мелкие наемные конторы.

Было бы круто начать карьеру беглеца-инквизитора где-то здесь, потому что такие миры не любят преступники, а значит – элита поисковиков тоже. Черный трибунал сюда точно не забредет даже по ошибке, так что можно успеть выстроить неплохое разбойно-торговое дело.

Я потянулась, разминая в обжигающих потоках восстановленное тело. Это волшебный душ, классные мысли, но пора завязывать.

– Алекса, т-ты в порядке?

– Да что мне сделается, – сказала я, протягивая руку за полотенцем. – Так какое дело? Ты же помнишь, что у нас нет никаких секретов?

– Я-то п-помню, – буркнул комм-линк. – А вот ты са-сама как?

Во-первых, он снова соскочил с темы, а во-вторых, я и впрямь ничего не рассказала. Обстоятельства – обстоятельствами, но слово держать надо.

– Ладно, сейчас приду в рубку. Куда твои киберы девают вещи оперируемых?

– П-приемный лоток слева от д-двери, третий сверху.

Быстро он. Даже слишком быстро – небось, часто приходилось посещать медотсек, и вряд ли он заходил снимать зубной налет или сделать анализ крови.

«Ладно, послушаешься еще его басен», – подумала я, застегивая на запястьях браслеты контактного скафандра. И снова гель – всюду гель: в еде, в одежде, в медицине, в химии. Мы помешаны на сопливидной ерунде, которая легко застывает, легко испаряется. Что за странные комплексы у этой поганой вселенной? Я с детства побаиваюсь этой субстанции – не иначе, в роддоме меня слишком долго держали в ванночках с ней.

Все мы из детства, все, думала я, рассматривая коридор фрегата.

– А вот и я.

Дональд повернулся ко входу и положил голографический планшет на консоль.

– А я т-тут в логах битвы к-ковыряюсь, ага, – сообщил он. – Ты г-гениальный пилот.

Я вспомнила недавние события.

– Не буду спорить.

– Ог-громное тебе спа-спасибо, – с чувством сказал Дональд, улыбаясь. – М-мне очень повезло, что я встретил т-тебя.

«А мне-то как повезло, неуклюжая ты задница». Ощущение триумфа испарялось: дерьма можно было вообще избежать, кабы не обормот. Чтобы погеройствовать, мне пришлось потерять свой корабль и испытать восторг единения с чужим фрегатом. С фрегатом, который не мой. Фу, гадость, словно водителем нанялась.

– Тебе – повезло, – сказала я, усевшись на первое ребро жесткости. – Ладно, к черту. Что ты хочешь обо мне знать?

– П-почему ты скрываешься?

А он ни секунды не думал – видимо, волнительный вопрос. Ну что же, держись.

– Я дезертировала из инквизиции Мономифа.

Глядя на его выражение лица, я и сама понимала: звучит обалдеть как мощно.

– Т-ты... Бывший инквизитор?

«Инквизиторы бывшими не бывают, мой мальчик», – стоило сказать мне, но я, увы, слишком хорошо понимала, что бывают, даже если я единственный образец. Хотя, быть может, я никогда и не была нормальным инквизитором?

«Фу! Плохая мысль, плохая!»

– Ага, именно.

Дональд потерянно кивнул, а потом провел пальцами по экрану планшета.

– Те-теперь понятно. А я-то думал – откуда такое м-мастерство.

Я собрала в хвост мокрые волосы. «Понятно ему, ты смотри».

Говорить больше не хотелось: то ли действие лекарств прошло, то ли выдавила этот нарыв, и стало противно. Словом, я смотрела поверх его головы на сияющие панели «Телес-фора», на датчик температуры второй дюзы, и у датчика все было правильно. В отличие от некоторых.

– П-почему ты ушла?

Так я тебе и сказала, обормот. Пора заканчивать исповедь.

– Зарплата низкая, работаем на голом фанатизме, – сообщила я. – Еще вопросы?

– Н-нет, пока хватит.

А он оказался сообразительным малым. Не только проверять не стал, но еще и понял, что пока хватит. Что еще будут посиделки и отношения размораживаются не в кружке: *«Здравствуйте. Я родился на Парам-пам-пам, моя мама – врач...»*

– Славно. Так что за дело на Халоне?

– Надо сдать б-бомбу.

Да ладно. Кому? Пейзанам? Или брокеры-аграрии переквалифицировались?

– Заказ местный или это точка randevу?

– Второе, – сказал Дональд, отворачиваясь к пискнувшей панели.

Мудрое решение. Выгоднее потом на своем горбу утащить генную бомбу через пол-галактики, чем подставляться на какой-нибудь посреднической планете, где кишат агенты контрразведки, инквизиции, полиции и разобиженной пропажей армии.

Но это мудрое решение для посредников, а не для курьера. В таких крикливых безобидных мирах корабли пропадают без следа. Совсем без следа. И ничего хитрого нет: если фрегат исчезает около какого-нибудь Харайона или приграничного улья S65, что в этом же секторе, то туда моментально сбегаются дознаватели. Сразу подозревают баронианцев, коморру, культистов, и, что характерно, находят – и первое, и второе, и третье. Массовый оборот идет через такие миры, там в общем вале потеря партии-другой – мизер, но штучные, уникальные сделки надо вершить небанально.

Поэтому курьера, который привез генную бомбу, лучше спалить у какого-нибудь аграрного мирка, куда дознаватели приедут со стонами и неохотой.

– Это первая твоя сделка такого масштаба?

Он повернулся ко мне:

– Если считать, что г-грабеж Его Меча по масштабу к-крупнее, то...

Нашел время крутизну показывать.

– Ты дурак, – объяснила я. – Я имею в виду курьерскую сделку. Надо объяснять разницу?

– А... Д-да. До этого в-возил танцевальных к-кукол.

Ну, так я приблизительно и думала. Андроидов-танцовщиц не возит только ленивый, это настолько распространенный и пушистый бизнес, что хороший куш можно взять только за скоростную доставку. Несомненно, обормот именно тем и зарабатывал.

– Как тебя наняли?

Дональд сел на «перекладину» ложемента, освобождая место мне. Я сделала вид, что не заметила жеста. Сначала дело – потом мир и дружба.

– На перевалочном пункте в «Трех нулях».

– Тебя выбрали по кораблю?

– П-похоже, да. Им обо мне ничего не известно.

Ох, вряд ли, но допустим. Главное, что это не операция канцлера. *«Или все же его? Тогда хоть ясно, почему сверхдредноут прицепился на хвост „Телесфора“»*. Нужная мысль мелькнула в голове, я повертела ее и так, и эдак. И вроде вышло, что люди канцлера не при чем: хотели бы подставить Дональда под «Тень» – дали бы груз подешевле.

В любом случае, историю корабля, на который погрузили генную бомбу, проверили на пару-тройку миссий в прошлом. Следовало бы напрямую спросить Дональда, кто заказал такое оружие, но это ему вряд ли известно. От силы знает, как связаться.

– Здесь разобрались. Где встреча?

– На ф-фиолетовых полях, по координатам.

Это звучало так глупо, что я переспросила:

– В атмосфере?

– Н-ну, да. На п-поверхности.

Дрянь. Конечно, можно просканировать зону посадки на десятки километров, но подбить судно на взлете – легче легкого. Якобы транспорт с якобы фиолетовым концентратом случайно проходит по орбите, а в тушке – полный набор кластерных торпед. Или там просто излучатель, чтобы «поджечь» ионосферу.

Можно обойтись еще меньшей кровью: если бы я была получателем, то просто шлепнула бы смелого капитана и получила и бомбу, и корабль. Кстати...

– И какие твои гарантии?

– В-вот.

Он открыл сейф в основании ложемента и протянул мне ампулу с передатчиком, в которой за прозрачным окошком болталась жменя земли – красноватой жирной почвы с белыми зернышками.

– И что это?

– Это фиолет. К-ключ.

«Хм, а это изящно».

– Дай угадаю. Первый сигнал проходит, когда семена начинают развиваться, да?

Дональд кивнул, а я прониклась невольным уважением к порядочности нанимателей. Дальше ясно: вне атмосферы Халоны фиолет не прорастет – это такая штука, которой нужно не просто конкретное светило, но именно спектр этого светила именно в этой атмосфере. Наверное, если попытаться сломать капсулу, – передатчику хана. Ну а когда Дональд покидает Халону и фиолет вянет, сигнал идет второй раз и разблокирует товар.

– Все верно?

Обормот кивнул:

– Точно. Т-только если фиолет б-будет расти дольше шести часов или не пройдет второй сигнал, т-то бомба а-активируется.

Лихо. Видно, наниматели всерьез рассчитывают на долговременные отношения с курьером, раз доверили такое. И все равно, что-то здесь не так, словно я уже встречала где-то такую дерьмовую схему. Я потрясла ключ-капсулу и посмотрела на просвет.

– Уверен, что это фиолет?

– Сп-спектральный анализ подтверждает.

– Генетическая подделка, – предположила я. – Спектр тот же, но расти не станет. А?

– Как ты п-понимаешь, вне планеты этого н-не узнать. Но если н-не начнет расти – я улечу.

Да, прищур у него порой прорезается что надо. Прямо веришь, что это капитан.

Но схема мне не нравилась – я бы предпочла выбить вариант с безлюдной луной. Или с астероидом. И чтоб никто не смел приблизиться к сброшенному товару, пока не стихнет выхлоп от моего ухода в изнанку.

– Хорошо, все ясно. Оплата?

– Д-деньги на счету, но я смогу их забрать только после разб-блокирования бомбы.

И снова все вроде разумно: ковыряться в генной бомбе в здравом уме никто не станет – ни курьер, ни получатели.

– Ясно. Ничего не забыл рассказать?

– Н-нет. А ты?

«Это он требует продолжения словесного стриптиза или так совета просит?»

– И чего тебе?

– П-понимаешь, я не могу оставить тебя на к-корабле.

Я машинально кивнула. Философия «сначала дело – потом отношения» в действии, все симметрично, так сказать. Мне мягко предлагают проверку. Понаглеть, что ли.

– И что мне мешает не согласиться? Я имею в виду, очень радикально не согласиться? Твои якобы мины? Я стряхнула «Тень», теперь мы сами по себе.

Я не заметила, когда его глаза загорелись по ходу разговора, когда они ожили, но сейчас взгляд Дональда потух. Словно выключателем щелкнули. Черт, похоже, он был настроен на налаживание партнерства. Скучно с морозным гробом в космосе, да?

– Д-давай сразу определимся. Если со мной – с моим витаконтроллером – что-то случится, тотчас же откроется к-криокамера Лиминали. К тому же я м-могу открыть ее в любое время откуда угодно.

Вот так понятнее, Дональд: это очень милая гарантия лояльности любого пассажира. Сложно себе представить кого-то, способного обороняться в течение часа против Лиминали. А еще мне понравился его тон: это был определенно голос не мягкого человека.

– Хорошо, Дональд. Мне нравятся условия. Это умный ход – в случае чего, забрать ее с собой. Мы сработаемся.

Я встала и пошла к дверям, но он меня окликнул.

– П-послушай. Это было ее решение. И я хочу, чтобы т-ты знала: я н-никогда сам не открою эту камеру. Т-только нули на моем витаконтроллере. Н-не заставляй меня, хорошо?

Я кивнула дерьмовому романтику и пошла прочь.

«Нет, он безнадежен. Он, черт меня побери, безнадежен».

– Свистни, когда прибудем. Хочу поспать хоть часик.

* * *

Поверхность Халоны – это отдельное зрелище. Я не люблю планеты, где больше полутора «жэ», но родина знаменитого лекарственного сырья, которое никто не смог синтезировать, определенно завораживала. Даже меня.

«Телесфор» опустился прямиком на дикое поле. Похоже, это был заказник: вдалеке от городов, вдалеке от перерабатывающих центров – только океан всех оттенков фиолетового, куда ни посмотри. Принимающая сторона, наверное, заплатила уйму денег нужным людям за разрешение портить эти места.

Здесь дышалось легко, и плевать, что на мне маска с фильтрами. Растение излучало такую мощную ауру, что хотелось лечь, зарыться в жесткое плетение стеблей и смотреть в алые небеса до самой смерти. Сюда прилетали умирать очень богатые люди – именно умирать, потому что тратить драгоценную почву под кладбища или даже крематории никто не собирался. И правильно: отошел в лучшие миры – освободи место другому.

– Летят, – сказал Дональд.

Я взглянула на запястный экран, потом на обормота. На нем был средний скафандр, в поясных захватах – два ударных пистолета, а в глазах за маской искрилась тревога. *«Он слишком возбужден. Не слишком боится. Похоже, прораствание семян подействовало на него, как укол этинефрина».*

Плохо. А хорошо то, что есть я. Я подобных сделок накрыла штук шесть за свою карьеру, пусть и не с таким предметом торга, так что протоколы контрабандистов знаю. И где могут «кинуть». И когда может начаться стрельба.

Их челнок был небольшим, что-то вроде серийного «ишака», у такого бомба едва поместится в грузовой отсек, зато салон просторный – семь человек. Или шесть – если броня серьезная. Или пять – если сцинтиане в серьезной броне.

«А-а-а, что гадать».

Уминая основательную поляну, «ишак» сел метрах в сорока от нас. Итак, три сцинтианина, два человека плюс пилот туманной принадлежности. Надеюсь, не баронианец, а то в этих окраинных мирах всякое бывает. У всех тяжелая броня и крючья с поглотителями притяжения – для бомбы, надо думать.

Солнце Халоны тлело над горизонтом, давая очень удобные тени – по таким здорово ориентироваться в рукопашном бою. Оружие у парней для ближне-среднего боя, сплошь ударное, как у обормота. У одного сцинтианина запястные клинки.

«Не о том думаешь. Не будут они драться, пока не кинут нас. Думай, как могут кинуть».

Все выглядело честно. Аж противно.

– Млиихан хлер, курьер.

Сцинтианин слегка поклонился. Я оценила их построение и поняла, что если встречающие не боевые энергетики, то нарываться не планируют: из своих ракетных стволов они больше друг другу щитов снесут, чем нам.

– Доброго времени, – сказал Дональд. – Забирайте.

Он отошел в сторону, и подвешенный над землей бокс двинулся навстречу людям заказчика. Я безучастно смотрела на гибель биосферы целой планеты, и – вот новости – меня больше волновало, где нас кинут, а не то, что я еще неделю назад грудью бросилась бы на эту сделку. Во имя спокойствия Мономифа.

Риск неплохо лечит рефлексии, как выясняется.

– Забирайте «движки», – произнес сцинтианин, проведя сканером по боксу.

– Они оплачены.

А Дональд и впрямь не первый раз товары возит, контрабандистский этикет выдержал до интонации.

– Спасибо, доброй изнанки, курьер.

– И вам доброй пустоты.

Так, ложное прощание.

Сейчас один из уходящих должен вернуться и «напомнить» об активации счета. Или с «ишака» начнут стрелять – и так бывает.

– Курьер.

– Да?

Черт, Дональд не так уж плох. Как удачно пропадает его заикание.

– Твой код.

Трехпалая лапа протянула Дональду карточку. По этикету он должен сейчас ее просканировать. Да и по здравому смыслу – тоже, но бывают такие актив-карты, которые сбивают голову получателю потом – на корабле, и хоть триста раз проверь – карта как карта.

Нанотехнологии порой беспощадны к людям и доверию.

В небе уже отпылал закат, и там будто свернулась кровь, и поля фиолета почернели, а я все искала подвох и не могла найти. Дорогуший товар, курьер на быстром и крутом транспорте, всего двое противников – огромный соблазн, огромные деньги можно сэкономить и себе и боссу.

«Ну что же вы, а?!»

«Ишак» взревел двигателями и поднялся в воздух. Сейчас заложит петлю – и...

Легкий челнок превратился в точку на фоне черного неба, а потом пропал.

– Алекса, идем.

Я развернулась и пошла к кораблю. Нас не обманули – обманули меня.

* * *

Халона осталась позади, а я узнала только предварительный маршрут. Я валялась в каюте и хандрила. Для восстановления настроения пришлось затребовать у «Телесфора» логи побега от «Тени».

«Что такое, а? Чистая грязная сделка, целая задница. Откуда эта фигня?»

Сцинтианская релаксация помогла собраться, зато заныли восстановленные суставы, и почему-то стало щипать под левой грудью, будто оттягивали кожу пальцем.

«Ну что за дрянь».

Дональд вон только что «Телесфор» не драил на радостях – такой куш отхватил.

«Ага, и какая-то планета непременно оценит наш успех».

Это стоило прекратить. Я, конечно, не надеялась на легкую адаптацию, ведь дезертирство – это травма не только для начальства, тем более что босс мне сам карт-бланш выдал. Жить да радоваться. От «Тени» сбежала? Корабль свой пережила? В долю к контрабандисту вошла? Добавлю еще для настроения, что меня не убила Лиминаль, а это вообще обалдеть как повезло.

Я пнула стену пяткой и встала. Срочно надо забыть, что чертова сделка прошла по плану доверчивого малыша Донни, а не по моему плану – плану параноика и оперативника. Везение против опыта – да сколько ж будет длиться этот разгромный матч?

Вспомнив, как мне повезло в моем великолепном триумфе над «Тенью», я застонала.

Надо с кем-то поговорить. Надо надеть скафандр и кого-то унижить. С дерьмом перемешать, пусть даже словесно. *«Мне бы только пережить начало. Только бы не сорваться, потом будет проще».*

Чтобы побороть мысли о ругани, я выудила из холодильника бутылку кафтиана и отправилась к рубке.

«Все равно этот обормот наверняка пошел свою любовь размораживать, а я честно выпью за начало новой жизни. За приборами, лежа на ложементе».

Мысль об алкоголизме, анекдоты и статистика о спившихся капитанах синглов – это уже веселая компания. Завтра с утра встану, водя языком по пересохшим губам, и буду думать, как все глупо прошло накануне. Завтра я проанализирую эту ерунду и выставлю себе диагноз.

Да, человек хандрит, но куда хуже то, что он хандрит внезапно.

Дверь в рубку оказалась открыта, и там было странно темно. Я облизала горький кафтиан с губ и остановилась.

Обзорные экраны показывали картинку звездного неба – самый обыкновенный оптический диапазон. Яркие блески двигались едва заметно, а по разные стороны от ложемента стояли Дональд и Рея. Просто стояли, держа в руках высокие стаканы с синеватой, кажется, пакостью. Черно-белый скафандр Лиминали со спины и над плечами щетинился какими-то наростами – я их не разглядела в прошлый раз.

Просто звезды, просто две фигуры.

Я тихо поднесла к губам бутылку и отхлебнула, любуясь неожиданно успокаивающим зрелищем. Похоже, я ошиблась. Не только я не умею радоваться победе.

Глава пятая

– Вставай.

«Телесфор» тихой сапой пробрался к окраинам Империи и теперь висел у крупной планеты-улья Х67. Мы здесь должны то ли принять новый заказ, то ли чем-то закупиться – Дональд уже сутки стоически терпел подначки, но сдавать планы не торопился. И вот теперь горе-капитан дрых прямоком на ложементе, а я болтала ножкой, сидя на прицельных консолях.

– Хы-аых... Д-доброе утро.

Он протер глаза, будто стараясь размазать их по всему лицу. Он сел, поправляя эластичную безрукавку. Он вел себя как пародия на позорище космофлота, в то время как я до блеска зашлифовала все программы автоматического прицеливания, и виртуальный интеллект начал произносить мое имя с отчетливой уважительной интонацией.

Ну а еще я проснулась с мыслью, что в определенных вопросах фраза *«Я подумаю об этом завтра»* больше не прокатит.

– Что-то н-не так, Алекса?

Дональд старательно приглаживал воронье гнездо на голове и окидывал взглядом приборы.

– Слюнку вытри.

– А, ч-черт...

– Пора уже объясниться, ага?

Прикрывая рот кулаком, он поднял на меня взгляд. Нормальный такой взгляд, проснувшийся, но все равно еще отдающий сладкой дремой, – вот это я и называю «братъ тепленьким».

– Что мы будем делать дальше? Гони план.

– П-план? Хорошо. Давай п-поедим и обсудим.

Не пойдет, засранец.

– Сейчас, – я мягко воткнула кулак ему в плечо, останавливая готового подняться парня. Ты смотри, скрытный какой.

Дональд сел на место.

– Д-да ничего особенного, – раздраженно сказал он. – П-просто на Х67 есть доктор, работавший в службе Лиминали. М-может, он что-то знает.

Я нахмурилась: ничего особенного, да? Перспектива общения с медиком из проекта Его Меча – сомнительное удовольствие. Вдобавок, люди, работавшие на канцлера, редко покидали такого шикарного работодателя, а если и уходили, то это либо покойники, либо съехавшие с катушек, либо беглецы под очень хорошей крышей. Первые две рубрики – я искренне надеюсь – Дональду не нужны, а значит...

– Ну и сколько ты слил за информацию об этом Докторе Смерть?

– Семь с половиной.

Ох, все не так плохо. Всего ничего, я бы сказала.

– Понятно. И как ты надеешься общаться с врачом? Что-нибудь в духе: *«Не взглянете ли на редкий экспонат»*?

Дональд поерзал и посмотрел на меня снова, но теперь уже вполне осмысленно и даже как-то жестко.

– Разумеется, н-никто не собирается везти Рею на п-планету. Я продумал п-прикрытие для беседы. Если буду уверен, что доктор знает, что делать, – д-договорюсь.

На первый взгляд недурно, совсем даже. Вот только, во-первых, я сейчас пройдуся каточком по этому самому прикрытию, во-вторых, пахнет чем-то вроде «главное ввязаться, а дальше посмотрим».

– И что ж за легенду ты себе придумал?

– П-писатель-документалист. Изучаю б-бессмертную гвардию Его Меча. История и все такое.

– Оригинально. И что ты скажешь? Мол, заплатил уйму денег за встречу, раскройте тайны?

Дональд пошевелил пальцами, вызывая сенсорную панель.

– Алекса, что ты знаешь о Лиминали?

Надавать бы ему, обормоту, по шее. Я сторю в аду за нетерпимость вот к таким дешевым эффектам: дескать, я здесь умный и знаю все, а вы подвиньте самомнение прямо и немного вправо.

– Много я знаю. Жила себе планета, жила и горя не знала. Ну, кроме того, что она враждебна Империи Мономифа. А потом – бах, небо темнеет, в атмосферу входит «Тень», ноосфера целой планеты исчезает, и остается на всем шарике одна-единственная девочка. Мертвая. Концентрат, так сказать. Продолжать?

В свое время меня это поражало: семь планет ушло, чтобы появилось семь бессмертных гвардейцев Его Меча, семь Лиминалей. Империя знала об этом, а потом как-то приелось: там инициировали взрыв сверхновой, испепелив укрепленную систему баронианцев, тут изобрели генные бомбы, а от сцинтиан к нам прикочевала привычка пускать неугодные миры на питательный холодец для квазиорганических боевых и не очень единиц.

На фоне этого Лиминали и их происхождение как-то меркли.

– П-правильно, – спокойно сказал Дональд. – Вот это – м-мой личный архив. А вот здесь – коллекция роликов о боевом применении Лиминалей. Д-даже раритет есть – телеметрия гибели второй Лиминали в черной д-дыре.

На экраны «Телесфора» выплескивались все новые окна, на которых мелькало и вспыхивало, на некоторых люди разлетались на части, а вот здесь справа в чудовищно замедленном темпе видно было едва заметную тень, которая огненным бичом пластала посадочную зону. Легкие штурмовики сгорали и лопались.

– Я собрал отчеты очевидцев и к-кое-что из лабораторий Его Меча. На уровне слухов.

«Да ты чертов псих, – подумала я, слегка обескураженная основательным подходом. – Как там у нас по науке такое помешательство называется?» Вопрос об отношении Дональда к замороженному чудо-оружию больше не стоял.

– Впечатляет, – осторожно сказала я. – Можешь сойти за документалиста. Схему я поняла. Ты упомянешь радиационное заражение и начнешь расспрашивать в этом ключе?

– Ага, – Дональд кивнул. – Слушай, ну д-давай поедим уже, а? Очень хочется.

Я кивнула и пошла из рубки. Черта с два я подарю тебе спокойный завтрак, но пусть будет так. Потому что впереди у нас вылазка – и, говоря «у нас», я имею в виду именно «у него и у меня», и причин на то много.

Пожалуй, главная, – мне интересно. То, что он не оставит на меня корабль, – это просто очевидность, а не причина.

Я выдавила на тарелку синтезированного десерта и прикинула, что «Телесфор» вредно влияет на мою сущность. Мне уже, видите ли, «интересно». Я прибегла к запрещенному приему и вызвала воспоминание о потерянном Алом, о нелепом курсе бегства, о том, что внутри вот этой обормотской головенки находится причина моих бед...

– Что-то н-не так, Алекса?

От моего взгляда, наверное, у него желе в горле застряло.

– Да так. Думаю, зачем это все надо.

Дональд отложил ложку и хмуро сказал:

– Я д-думал, что мы договорились. Это мой п-приоритет, и ты с ним согласилась.

– Да согласна, согласна, – я для убедительности поводила ложкой в воздухе. – Но мне хотелось бы понять мотивы. Один корабль, один путь, как-никак. Только деньги порознь.

– М-мотивы?

Дональд ковырялся в тарелке. Я готова поклясться, что он не так редко задавался этим вопросом. Или наоборот: слишком часто задвигал его подальше.

– Я п-просто хочу, чтобы она жила нормально.

Я помотала головой.

«O, mein Gott».

Он точно псих.

– Нормально? А это возможно? Она мертвая квинтэссенция своей планеты, ее доработали в лабораториях. Как такая может жить нормально? А что если она вспомнит свой последний приказ?

– Х-хороший вопрос. Именно это я и хочу узнать.

Дональд дохлебал здоровенную чашку кофесинта и встал. Мне ответ понравился: он невольно восхищал – этот дурацкий ответ. Ответ дурацкий, и автор его дурак, а я умная, но все равно преследую ту же цель, попутно над ней подсмеиваясь.

«Денег хочу. Стартовый капитал. И пошел он вон, этот оборкот со своей ненаглядной».

Значит, было бы неплохо выжить и затребовать себе честную прибыльную миссию. У меня появились нехорошие опасения, что если я и останусь в живых, то захочу еще одну миссию на этом корабле. Потом еще одну. Потом еще.

Десерт я, короче говоря, так и не доковыряла.

* * *

Этот улей был стандартным для фронта: сорок ярусов, минимум декоративной отделки, сплошь голографическая реклама и претензия на деловитость. Подобные планеты-города впечатляют только пропастями, разделяющими районы: таких каньонов в природе не увидишь. Остальное – дрянь.

Х67 – это все же граница. Ну, почти что. То есть бардак. Спецслужбы здесь скорее поддерживают иллюзию своего присутствия, чем на самом деле кишмя кишат. Настоящие инквизиторы, штурмовая таможня, Черный трибунал и прочие и прочие – все они пасутся между фронтиром и первыми нормальными колониями, а сама граница превратилась в буферную зону.

Конечно, когда начинают борзеть культы или сепаратисты, дело, бывает, доходит и до карательных эскадр, но большие деньги любят тишину, поэтому буйных споров разбирают на органы свои же. Имперская власть чисто символична, обороты денег отменны, а фриivolность в толковании законов поражает воображение – это и есть суть фронта. А вот честный бизнес не приживается, он хиреет от соревнования с демпингующими нелегалами, захлебывается и воем на три оранжевые луны, привлекая внимание мафии. Когда только и остается сигануть в каньон, наконец приходит здравая мысль: *«А чего это я, хуже других, что ли?»*

Впрочем, многие так и сигают, и не все по своей воле.

Я изучала голографический баннер, который метафорами и намеками рекламировал рабов. Метафоры были скверны и полупрозрачны.

В свете ламп кожа выглядела синюшной. Было холодно, так что широкая плахитья, маскирующая мой скафандр, выглядела уместно. Полы этой одежды были тяжелыми и мешали при ходьбе, зато выглядела я обманчиво безобидно, как и большинство боевиков в таких мирах.

– Куда дальше?

Дональд расплатился с водителем, и кэб улетел прочь. Из пропасти веяло сыростью, там гулял ветер, а здесь, на семнадцатом уровне, включали дневные лампы. Под стенами жались тени, у них противно блестели глаза, но я на это плевала. Пограничные миры хороши легкими нравами в смысле огнестрела.

– Н-нас должны встретить.

– Кто, если не секрет?

Дональд поморщился от количества яда в слове «секрет», но ответил смиренно:

– Н-начальник охраны доктора.

Судя по звукам, в двух кварталах отсюда отпевали сцинтианина, и некоторые оборванцы двинулись туда в надежде на бесплатное угощение. Сытый голодному, конечно, не товарищ, но я бы сказала, что никакая еда не стоит часа мозгоразрывающей, с позволения сказать, музыки.

Короче, стоялось мне скучно, и будь я хоть на йоту менее профессиональна – устроила бы заварушку. Я стояла, подмечала детали – и скучала.

– В-вот они.

У дальнего края галереи причалил легкий катер, оттуда выгрузились трое, и, похоже, скука заканчивалась: у всех были легкие турбоплазменные винтовки и средняя броня с такими щитами, что пол при каждом их шаге искрил.

Попрошаек и оборванцев сдуло.

– Господин Валкиин?

У главного в троице, кажется, женский голос.

– Он самый, – сказал Дональд непринужденным тоном. – Это моя охрана.

Я скрипнула зубами, слегка поклонилась.

Но запомню.

Главная кивнула в ответ, и ее огромный блестящий шлем наклонился к плечу.

– Доктор просит уточнить цель общения. Кодовое слово было «бессмертная», и это ее заинтересовало. Хотите добавить что-то?

Дональд молчал, молчала и я. Во-первых, охране вякать не положено, во-вторых, если это и был ритуал или проверка, я о таком никогда не слышала. Вероятно, доктор хочет услышать еще что-то, и лучше бы Дональду угадать.

– Хочу поговорить об ограниченном бессмертии.

Непрозрачное забрало шлема как отражало наши рожи, так и продолжило отражать. Два жлоба с винтовками как делали вид, что они пол утаптывают, так и продолжили, только мне отчего-то подумалось: обормот угодил в десятку.

А еще я уловила интенсивный радиочастотный обмен, и это было хорошо.

– Следуйте за нами.

Оружие сдавать нам не предлагали. С одной стороны, так спокойнее, с другой – наоборот, напрягает. Значит, ребята настолько уверены в превосходстве, что им нипочем ударные пистолеты.

В катере оказалось жарко, аскетично и накурено. Я старалась не приноживаться, но все равно чуяла легкую наркоту, кажется, сарамахис с ароматическими примесями – эстеты, чтоб их. Желтые лампы, ровные скамьи, пятеро в грузовом отсеке. И ни одного окна. Я поняла, что делать пока нечего, и сосредоточилась: было бы неплохо запомнить маршрут.

Дональд смотрел перед собой и заметно волновался. Хотя документалисту это к лицу. Если, не приведи космос, он таки добьется своего, надо бы оказаться как можно дальше от Лиминали в процессе... лечения. А то мало ли.

Предаваясь всяким разным мыслям, я примерно оценила и километраж, и скорость, и количество поворотов. Летели мы долго, извилисто и часто меняли эшелон полета. Похоже, эта самая доктор рассталась с Его Мечом далеко не радужно.

– Выходим.

Пустой причальный док – само собой, створки уже закрыты. Опрятненько, чисто и ухожено. Плюс еще охрана. Мне заочно нравилась загадочная докторша: всего ровно в меру, хотя деньги у нее, похоже, водятся в изобилии.

Правильный человек она. Небось, пустила мутные слухи, что сбежала из проектов Империи, и сразу завелась клиентура, которая готова платить за возможность в узком кругу рассказывать: *«А я вот лечусь у самой. Знаете, она ведь работала с такими материями...»* Доброкачественное самомнение богатого пациента сразу опухает. Фронтир – он такой, репутация здесь, пожалуй, даже переоценивается.

– Сюда.

Я шла, сосредоточенно вбирая в себя это место: вот слабая нотка медицины, вот немного страха, вот много разного металла. Мое чутье, проученное на Халоне, твердо настроилось брать реванш, потому что одно дело бизнес, другое – эта мутная история с последней из Лиминалей.

Нас вели, как слепых щенков, многомерным лабиринтом, а мы шли себе и шли, и все более понятным становилось, почему не отобрали оружие.

– Добрый день, уважаемые!

Я обернулась. Сбрасывая длинный синий халат на руки мелкому киберу, из бокового коридора к нам шла весьма примечательная особа. Короткие волосы, длинная челка на правую сторону лица, огромные карие глаза, интерфейс-универсал на левом ухе, – и скромный рабочий китель космического медика.

– Доктор Мария Карпцова, – сказала примечательная особа и мило улыбнулась. – Решила вас перехватить в коридоре. Идемте, идемте!

При всей ошеломительной непосредственности хозяйка не спешила отправлять прочь охрану.

– У меня был прием, а тут вы прибыли. Невежливо вышло: и вас не встретила, и пациента по чести не проводила, – бодро щебетала докторша на ходу. – Плотный график, понимаете ли.

«Лихо, – подумала я. – И извинилась, и намекнула, что мы нехстати, и цену себе повысила. Ай да милочка. Теперь главное, чтобы Дональд думал чем надо, а не чем придется».

Девочка-докторша была слишком мила, и я с ходу прикинула шанс подставы. Поскольку в наше время возраст на лице не пишется, лет ей могло быть сколько угодно, а вот что делать с поведением? *«Мало данных»*, – решила я, отхлебывая отменную травяную настойку. За диваны в гостиной я поставила хозяйке еще плюрик, а вот за оставленную снаружи охрану – минус. Тем временем треп якобы беллетриста с сомнительной докторшей подбирался к сути.

Ну, мы охранники, нам участвовать без прямых вопросов не стоит, наше дело смотреть.

В гостиной оказалось светло и уютно, никакого пафоса и двусмысленности для впечатлительных делег из здешней клиентуры. За одним декоративным панно точно пряталась дверь на случай разных казусов, а больше ничем эта комната не выделялась. Все мило и в тон госпоже хозяйке.

– ...И вот поиски ответов п-привели нас к вам, – банально раскланялся Дональд.

Пошленько, но как для легенды писателя сойдет. Зря, конечно, ляпнул «нас»: наниматели охрану в расчет не берут, – а в целом молодец, очень даже убедительно наврал.

– У вас странный предмет для интересов, – с задумчивой улыбкой сказала доктор Карпцова. – При живом-то Его Мече.

Шутка была так себе, если учесть особенности бессмертия канцлера Империи.

Дональд вежливо улыбнулся в ответ. Ни дать ни взять – молодой аристократ из столичных салонов. Сынок какого-нибудь флотского друнгария, войд-коммандера или из этих, из судейских. Пока отцы дают погулять, они все так и выглядят, это потом сыновья стекленеют взглядом и становятся похожи на своих папочек, потому что служба Первому Гражданину – это служба Первому Гражданину.

– В любом случае, разгласить что-либо уже сложно, доктор Карпцова. Б-бессмертные ушли в прошлое, и наш канцлер полагается на оружие совсем другого п-порядка.

– Некоторые секреты все равно остались, и гриф на них более чем серьезен.

Сама милочка тоже убийственно серьезна, а я боялась, что она сейчас примется обормоту глазки строить.

– И вы, даже уйдя из проекта, не можете н-ничего сказать?

– Ну почему же – ничего? – улыбнулась Карпцова. – Совершенно секретную информацию я продать не могу, а вот ту, у которой истек срок давности, – отчего бы не обсудить?

Так, здесь главное осторожно. Надеюсь, обормот запомнил, что я ему не советовала сразу задирать ставки. И я бы на его месте еще чуть-чуть раззадорила докторшу беспредметными наивными вопросами.

– А те, что «совершенно секретны», не п-продаются? – задумчиво спросил Дональд.

«А ты, подлец, мысли читать не умеешь?»

– Увы, нет. Могу бесплатно рассказать, как уходят от Его Меча.

Я рассматривала Марию Карпцову. Странное выражение лица, не слишком похожее на наигранное, хотя подобные истории с подобной подачей можно сделать неплохой фишкой при поднятии ставок. Я вслушалась в ритм ее дыхания, оценила микровыражения и сделала простой вывод: сработало мягкое обаяние обормота, одобренное его легендой блуждающего космического беллетриста.

– Расскажите, – попросил Дональд, слегка подаваясь вперед.

Он сейчас вел себя как мальчишка, и если этой дамочке не так мало лет, как кажется, то она клонет.

– Собственно, нечего рассказывать, – махнула рукой Карпцова. – Моя же наставница вживила мне в гиппокамп мнемоблокаторы. Так что, в некотором смысле, я больше не знаю секретной информации.

«Врет». Первая часть – про драму с наставницей – вроде правдива, а вот продолжение – нет. И не верю я, что врач за долгие годы практики не нашла ключика к закрытым областям своей памяти. Да и вообще странный случай, откуда не глянь: даже после ухода из инквизиции применяют полную мнемодеструкцию, а уж в ее ведомстве... Ощущение опасности уже бесновалось на цепи, и пистолет из поясного захвата сам просился в руку. Очень хотелось поступить как в интернате: подергать Дональда за рукав и сказать: *«Донни, а Донни? Пойдем отсюда, а?»*

– Сожалею...

– Да не беспокойтесь, господин Валкиин, – Карпцова снова улыбалась мило и непосредственно, и даже обормоту стало ясно, что сеанс откровения свернулся. – Что за «ограниченное бессмертие», о котором вы хотели поговорить?

– Видите ли, я н-наткнулся на косвенные упоминания, которые хотел бы развить в целую главу...

Вот умничка, вот молодец. Дональд сделался мечтательным и восторженным, как и положено увлеченному писаке, который шляется по галактике, тратя деньги на свою будущую книгу. Сразу видно, что такой будет копить материалы, причесывать их и складывать на полочку, но так до конца жизни ничего не издаст. Если он отвлечется на продление рода, то его, быть может, прославят потомки.

Как-то так я это себе представила. Главное, чтобы у Карпцовой сложилось то же впечатление.

– ...и третья Лиминаль тоже показала, что действовать в условиях облучения – это п-проблема. Так что скажете?

Карпцова задумчиво гладила переносицу двумя пальцами, глядя мимо Дональда. Что-то она такое обдумывала, и мне очень хотелось, чтобы это была цена. Хотелось получить нужное и смыться поскорее. Доктор тем временем приняла решение.

– Любопытно. Вам повезло, дорогой гость. На тему «Лиминаль и радиация» я могу говорить сколько угодно. Есть пробелы, но, думаю, мы договоримся.

– Сколько?

– Пятьсот.

Ого. За пятьсот тысяч можно залить пакет сверхтоплива. С другой стороны, это проверка энтузиазма писателя. Дональд рядом со мной поерзал, вздохнул и открыл рот.

Я слушала их торговую дуэль через слово, меня больше интересовала достоверность беседы. Обормот дважды погорел на интонациях, а вот Карпцова держалась ровно, цену сбрасывала жестко и скупно, и чем дальше, тем больше крепла уверенность, что ее видимый возраст надо увеличивать не прибавлением, а умножением.

– Четыреста пятьдесят три, – подвел итог Дональд.

Карпцова звонко рассмеялась и подняла бокал с настойкой.

– Это было совсем не плохо. Подрабатываете извозом и перевозками, Валкиин?

– П-приходится, – улыбнулся Дональд. – Хобби – дорогое развлечение.

Еще одна милая улыбка.

– Я могу п-посмотреть хотя бы начало данных?

И еще одна улыбка. Бодро свистя, подкатился кибер с подносом, на котором лежал маленький приборчик – вроде, терминал доступа к домашним ресурсам. Докторша потанцевала пальцами на голографической панели и, все так же приятно улыбаясь, протянула устройство Дональду.

– Момент, – сказала я, опережая руку «босса».

Обормот, может, не в курсе, но голографическими примочками можно подсадить в мозг такую программу, что он начнет свою жизнь сначала пересказывать. И это вам не напитки, такую дрянь на расстоянии не просканируешь.

– О, я все ждала, когда же вмешается охрана, – сказала Карпцова, без возражений передавая терминал мне.

Я прогнала контрольную последовательность и успела найти подозрительный пусковой ярлык, реагирующий на зрительный контакт, за секунду до того, как ярлык сработал. Это было как беззвучный удар под дых. Защитные структуры визиров скафандра едва не сломало – собственно, будь это не инквизиторская модель, меня бы сейчас безоговорочно подчинило электронной воле.

В глазах рябило, а прямоком в мозг рвалась тонкая сканирующая веточка.

«Так вот ты какая, док».

Вариант действий номер один: отбросить ментальный щуп, учинить бардак. Первое по очевидности, последнее по разумности. Номер два: принять щуп, изолировать его волей и старательно изображать подчинение. Логично, так можно больше узнать о намерениях Карпцовой и попытаться обойтись малой кровью. Номер три... А черт, упорная дрянь!

«Ба-бах».

Мое тело старательно изучало терминал, как того и хотел ментальный вирус, а он умел убеждать. Вот чего он не умел, так это отличать сломленную жертву от притворяющейся. Сильный примитивный засранец.

«Медленно передай терминал своему хозяину».

Я протянула руку.

«Измени выражение лица».

Я улыбнулась.

«Скажи: „Все в порядке“».

– Все в порядке, – доложила я «боссу».

«Сиди мирно».

Да легко.

Вирус ползал по моему сознанию, и я создала «карман» для него. Это, знаете ли, больно, но вычищать потом осколки кода паразита – вообще финиш. Сиди тихо, мразь, и чтоб ни звука.

Дональд пощелкал по терминалу, и тут его скрутило.

Я смотрела перед собой, понимая, что просчиталась, когда Карпцова встала и подошла к «боссу». На меня она только взглянула.

Черт, доктор, ты слишком веришь технике.

– Дональд, ты меня слышишь?

«Дональд»? Да что творится-то, а?

Мария Карпцова села рядом с ним на диван, пока я пыталась сообразить, что происходит. Судя по реакции обормота, его просто парализовало: вон он, так и сидит, прикипев к экрану, мышцы шеи напряглись, вена вздулась. А вот что творит идиотка?

– Слушай меня, Дональд, и запоминай, – тихо сказала доктор Карпцова. – Это все, понимаешь? Здесь все.

Я медленно потянулась к поясу. Сейчас выстрел из ударника в плечо – отрастишь новое, милочка, – и опрокидываем стол, Дональда кидаем за него.

Ничего из запланированного я не успела. Открылась дверь, и вошла давешняя девица в большом шлеме, которая здесь кто-то вроде начальницы охраны, и это был конец, и я ничего не успевала...

– Ты? Что...

Доктор медленно вставала, глядя на вошедшую, а та одним движением бросила ее назад на диван. И я поняла, что мне лучше повременить еще чуть-чуть, но руку незаметно сдвинула. Была у меня однозарядная заначка, скрытая тяжелыми складками плахиты.

– Именем Черного трибунала, приказываю оставаться на месте.

«Ого». Вот и все, что мне удалось выдавить из мозга, а «зеркальный шлем» продолжал:

– Вы обвиняетесь в попытке продажи информации, принадлежащей Империи, в преднамеренном нарушении режима памяти...

Это было страшно, ведь «черные» имеют право казни на месте.

– ...по совокупности – смерть, – закончила Гончая, щелкая по запястью. – Знаете, доктор, я уже перестала верить, что это случится. Мне надоела «подработка» в вашей охране.

Гончая вынула из локтевого кармана витую двойную спираль – клейнод «почетной казни» – и размашистым движением пробила грудь доктора Марии Карпцовой, которая так ничего и не сказала. Ее тело, извиваясь, сползло с дивана, а зеркальный шлем повернулся ко мне.

– Пособники преступления, – сообщила Гончая в пространство.

То есть на самом деле это для протокола, но выглядело все равно мерзко.

– Неустановленный мужчина. Парализован с неизвестной целью. Парализованная женщина...

Гончая шла ко мне, и ее забрало-зеркало тускнело, испаряясь вместе со шлемом. Передо мной оказалось лицо, покрытое серебряной сеткой татуировки. За бледным сиянием еще угадывалась та, которая вечность назад была самой-самой в космоходном училище.

Староста курса Джахиза Фокс.

Ну, здравствуй.

– Беглый инквизитор Александра Кальтенборн-Люэ, оперативный псевдоним – «Утренняя Звезда».

Джахиза смотрела на меня с грустью, потому что это не лучший повод встретиться с сокурницей. А еще из-под ветвящихся символов проглядывали веснушки, и это было совсем на грани фола – словно запертое в клетку лицо доброй, в сущности, девчонки.

Что-то кололось в сознании, какая-то ненужная мысль. *«Меня сейчас казнят на месте»*. Нет, не то. *«Она слишком долго на меня смотрит»*. Нет, туда же. *«Она почему-то не опознала Дональда»*. Не опознала... Вот черт. В скафандре Гончей содержится банк данных всех капитанов плюс средства связи с трибуналом для запроса неопознанных...

– Ты напрасно оставила свою работу, Алекса.

Двойная пружина распрямилась в ее руке, и я прыгнула.

Спираль распорол диван, и Джахиза на полувзмахе попыталась достать меня, а я уже разряжала ей в спину однозарядный скорчер.

Вспышка – и щит без остатка поглотил разряд, которому положено испарять катера.

– Еще и сопротивление, – произнесла Гончая, делая выпад с разворота.

С ума сойти, как она двигалась. Я сорвала с пояса ударный пистолет, бросила в нее плахитью и обратным сальто прыгнула к стене. У «черных», по слухам, считается позором, если обреченный оказывает сопротивление?

Ну, я тебя сейчас попозорю.

Клейнод прочертил борозду в стене, силясь успеть за мной, а я вышла ей во фланг и выстрелила. Ударный патрон полыхнул по щиту, второй тоже, а третий ушел в потолок.

Джахиза попыталась выбить пистолет, но лишь отклонила ствол.

Если бы не амортизаторы скафандра, запястья бы у меня больше не было.

Еще выстрел, и еще один.

«Ну, давай!»

Заряды летели в цель через один. Я отступала, пытаюсь загрузить ее щит, а Джахиза попеременно пробовала достать меня клейнодом и отбивала ствол.

Вниз, в сторону, вверх. Еще вниз.

Предпоследняя пуля отбросила ее, и – в голову.

Джахиза успела зарастить шлем, и первый аккорд моей зауспокойной был рывкнутым рикошетом. С виброклинками против клейнода Гончей? Да ладно.

«Но я все же попробую», – сказала маленькая рыжая отличница из космоходки.

Лезвие с правой руки я метнула, и Джахиза легко уклонилась от него.

«Вот и умничка».

Первый же взмах клейнода сломал левое лезвие, и я осталась голой акробаткой против двуногого оружия. И это было круто.

– Ба-бах, – сказала я с самой приятной улыбкой.

Джахиза успела что-то понять, но вот сделать – нет.

Грохот выстрелов бросил Гончую на меня, и я уклонилась, пропуская дергающееся тело, с которого хлопьями дыма срывало скафандр. Когда магазин иссяк, от тела уже летели ошметки.

– Молодец, – сказала я, поднимая пистолет со сброшенной плахиты.

Дональда трясло, у него дергалась щека, и он медленно опускал «ударник». Меня, честно говоря, тоже порядком колотило: не каждый день получается убить соперника такого калибра. Пусть и чужими руками.

– Т-ты...

– Я. Собери оружие, клейнод руками не трогай... Не трогай, я сказала!!!

Оружие Гончей полыхнуло и исчезло, как и положено таким сильным вещам. Дональд сел на пол, проморгался и поднял на меня взгляд.

– Ч-черт. А как ты...

Он обернулся и посмотрел на осколки злополучного терминала. Молодец, обормот, понял все. Дональд кивнул – мне и своим догадкам заодно – и принялся собирать оружие, а я подошла к развороченным останкам Джахизы и подняла ствол. Не люблю достреливать трупы, но все же...

– Оружие на пол, – распорядился тихий голос.

В дверях стояла охрана доктора – три штуки – и какой-то хлыщ с мафиозной меткой в пол-лица, и все это – поверх жерл излучателей разного калибра.

Расчет с учетом расстояния: минимум два трупа с их стороны. Гарантированные пять-шесть дырок в Дональде, по меньшей мере одна – во мне.

«Не пойдет».

– Быстро!

Ударная пуля взвыла у моей щеки. Да, нервы. Нервы. К чему бы это?

Глава шестая

Суд был скорым и справедливым, даже бить не стали. Хорошие манеры – это вообще своего рода признак полукриминальных миров: тебя могут назавтра приговорить к молекулярному расчленению, но сегодня все проходит чинно и красиво. Мне не понравилось только то, что с меня сняли скафандр. Приговор тоже, конечно, не особо восхитил, но с родной бездельюшкой во все тело умиралось бы как-то поспокойнее.

Я сидела в камере два на два, пыталась свыкнуться с мыслью, что завтра на тот свет, и придумывала планы бегства. Дело ведь такое: или ты сидишь в отчаянии, и тогда ты все равно что уже умерла, или ищешь выход.

Жаль, что камера одиночная, вместе можно и спеть что-нибудь, и вообще, много чего интересного можно сделать в ночь перед казнью, когда ты не одна. Говорят, вместе и умирать веселее. Врут, конечно, но попробовать было бы интересно.

«Ты самая лучшая, доченька».

Конечно, лучшая, думала я, усаживаясь из третьей позы бифудху сразу в пятую. Неужели я сама не справлюсь со своей смертью? Справлюсь, мама, обязательно справлюсь. Лет эдак через триста. А теперь отстань и дай мне подумать.

Казнь в изнанке не очень гуманна и, строго говоря, запрещена. Теоретически это как раз своеобразное испытание, с вполне конкретным шансом на выживание, однако практически... Практически же ни один человек, брошенный в «Куб», еще не выходил оттуда живым. Несколько раз возвращались седые тела, пару раз – фрагменты, но все больше изнанка не разжимала челюстей. Я в свое время смотрела записи таких казней, то еще зрелище. Картинка там часто пропадает, но все равно на фронтире попасть к трансляционному экрану, приобщиться, так сказать, – вопрос чести, хоть это и безумно дорогое шоу. Оно на ура отбивает энергозатраты и дает неплохую прибыль.

«И это все при том, что часто зритель даже не понимает, в какой момент обреченный прекращает блуждать по кошмарам измерений и наконец умирает».

Сюжет там такой: кушаем галлюциногенов, время от времени бьем себя по голове, одновременно смотрим по перевернутому головизору, как пилот режет человека, а потом сверху заливаем сурианского пива. Литра четыре. Как это выглядит с точки зрения обреченного – никто не знает. Но не страшно: выясню завтра.

Что это я? Как раз страшновато. Страшноватенько так.

Я плюнула на медитацию, свободно скрестила ноги и облокотилась на стенку. Итоги размышлений выглядели примерно так: бегство в процессе конвоирования к «Кубу» – самый вероятный шанс. Попытка прорваться сквозь изнанку к выходу – не вариант в принципе, хоть у меня и есть опыт пилота сингл-класса.

Голяком и на корабле – все же разные вещи.

Я сосредоточилась на главном плане и принялась его развивать. Почти наверняка казнь преступников нашего уровня обставят с помпой, так что народ будет. Где народ – там заложники, главное прорваться к людям повлиятельнее, которыми не рискнут с ходу жертвовать.

Имелось одно «но», и это самое «но» звалось «Дональд». Чертов обормот не прорвется, при всем его везении. Побег – это мастерство хаоса, это тот же абордаж, и удача там нужна, но все же мастерство – ключевое слово. С другой стороны, а что мне Дональд? Он втянул меня в эту кашу, втянул с самого начала, с той проклятой системы красного гиганта. Вот пусть и выкручивается сам.

«Он помог тебе справиться с Джахизой».

Да, ладно, помог. Если бы ему не понадобилась доктор Карпцова, мне бы вообще не пришлось встречаться с Гончей.

«Он дал тебе новый смысл жизни».

Хах, попутно отобрав старый.

«Старый ты забрала у себя сама».

...

«Засомневалась. Заколебалась. Начала считать трупы».

Слушай, мама... Почему бы тебе не заткнуться?!

Кровавая пелена рассеивалась перед глазами, я стояла на коленях, правую руку простреливало болью, а кулак прилип к стене.

Дура. Алекса, ты дура.

Я потеряла руку и легла. Так-то оно лучше. После отказа от последнего желания я могу до самой казни жить спокойно, продумывать план, надеяться и всячески себя обманывать.

«Ты опять?»

Да, я опять. Мне все равно, что я сейчас думаю – завтра будет завтра, и если смогу, я свою жизнь выгрызу. И хватит.

Входная стена засветилась, в ней словно взрезали прямоугольник, и внутрь кубарем вкатился Дональд. Я подобралась, присмотрелась к охраннику, но вход зарос слишком быстро. Раздраженно взглянув на обормота, который едва не приземлился мне на колени, я поинтересовалась:

– Ну и какого черта ты здесь?

Дональд посопел, отполз в угол. В силу габаритов камеры это у него получилось так себе. Вопрос был риторическим: очевидно же, что он просто не стал отказываться от последнего желания, как некоторые.

И хватило же наглости.

– Я п-подумал, что вместе умирать веселее.

Как мило. А еще – это мои собственные мысли минутной давности.

Бесит.

– Сидел бы у себя и думал. Если ты помнишь, казнят нас вместе.

– П-помню.

Я вздохнула:

– Ты зачем приперся?

– Так это... В-веселее же.

– Ну и как? – спросила я после паузы. – Чувствуешь подъем и радость?

Дональд промолчал. Ну прости, не оправдала. Зато хотя бы я и впрямь развлекаюсь.

– И что будем делать?

Он или придурок, который решил, что перед казнью бывает крутой секс, или сентиментальный дурачок, или просто трусит, и ему нужна мамочка.

– Обсудим п-план бегства?

Я хмыкнула и, поддавшись чертикам, треплющим меня изнутри, расхохоталась.

– О, mein Gott, – простонала я. – Если бы ты был не ты, я бы решила, что разговариваю с провокатором.

Дональд, едва видимый в полумраке, улыбнулся:

– Значит, п-план есть. Х-хорошо.

«Для тебя – нет».

Я смотрела на бледную тень, одетую, как и я, в пижаму, и в голове у меня раскручивалась пружина. Дональд хладнокровен, спокойно-обречен и как-то неприятно умиротворен. Вряд ли такой хочет умереть, такой должен паниковать и дрожать мелким тремором.

Суд.

Среди вещей моего обормота-капитана нашли два билета внешнего рейса. Таким образом «Телесфор» остался тайной и висел себе в камуфляже у планеты. Господин Валкиин смущенно бормотал самую вероятную версию: мол, мы консультироваться прилетели, а охранник и босс чего-то не поделили. Пожалуй, если бы не нервный пациент, который застукал нас прямо над телами, мы могли бы оправдаться.

Господин Валкиин выглядел чертовски убедительным и, я бы сказала, идеальным.

Я вспоминала его диалог с доктором Марией.

Я вспоминала, как он вел себя при нашем задержании.

Пока я молча смирялась с потерей скафандра, пока молча же выжидала окончания разбирательств, он продолжал до конца играть роль, пытаясь выгородить двоих неудачников, которые просто не вовремя пришли на прием. И только получив приговор, он затих, а я как раз начала искать пути спасения. Но черт меня подери, это разница не между лохом и профессионалом. Это разница между двумя профи, один из которых оптимист, а другой – фаталист.

«Не сходится».

Почему он местами потрясающе наивен? Почему я могу такого сметливого засранца поймать на вранье? Если он так мастерски прикидывается милым простаком, то не должен он допускать проколы!

Мне было... Неприятно. Понадобился смертный приговор и ночь на двоих в карцере, чтобы до меня наконец дошло, насколько неоднозначен этот везунчик. Я поглядывала на подернутый полумраком силуэт и проникалась подозрительностью. А вдруг та потасовка, когда я проникла в «Телесфор», была все же планом? Или еще лучше: вдруг он целенаправленно заманил меня на свой фрегат? Вдруг его якобы привязанность к Лиминали – это тоже часть плана? Допустим, хочет усилить ее и... И – что? Начнет галактику покорять? Да ладно. Несколько Лиминалей мятежные миры ухитрились отправить на тот свет, а уж Мономиф с одной совладеет.

Стоп.

«Если со м-мной – с моим витаконтроллером – что-то случится, тотчас же откроется к-криокамера Лиминали. К тому же я м-могу открыть ее в любой момент откуда угодно».

Мозги скрипели и грелись, и в чертовой камере, как мне показалось, стало жарко. Пытаясь найти путь к бегству, я совсем забыла, что я теперь не одна.

– Капитан?

– Да?

– Скажи мне, а почему ты не позовешь на планету... м-м-м... друга?

«Будь внимательна, он совсем не тот, за кого себя выдает». Я честно себе пообещала, что как только выберусь, выбью из него правду. И пусть ледышка только попробует меня оттащить.

Дональд запустил пятерню в волосы и вздохнул:

– Ж-жаль, что ты вспомнила. Я не м-могу.

Так-так, он этого ждал и безбожно себя выдал. Такой проницательный и такой наивный.

– Тогда ты блефовал?

Кивок. И глаза слишком далеко, и слишком темно. Я придвинулась к нему, встав на четвереньки, и за подбородок вздернула приопущенное лицо.

– А теперь еще раз. Ты что, наврал мне, что можешь освободить ее и призвать?

– Д-да.

Я отпустила его и отползла в угол. Все очень плохо. Выдуманный мною стратегический гений врет, как младшеклассник, и очень этим смущен. Оно, конечно, мои инквизиторские навыки могут сбиться, но это вряд ли. Собственно, его вранье – это даже не самое худшее. Во-первых, Дональд прекрасно понимает, что я его раскусила, и все равно врет. Во-вторых, он действительно привязан к своей замороженной королеве.

– Когда нас казнят, этот наш общий знакомый все равно очнется, – как можно грубее сказала я. – И останется один на один с кораблем, космосом и необходимостью двадцать два часа в сутки сидеть в холодильнике. Нравится?

Дональд мотнул головой.

– Лет через триста корабль начнет умирать, – продолжила я. – Там начнетдохнуть все. Видел разлагающийся корабль? Там охрененно пахнет. Может, она перенастроит энергоснабжение, и...

– Замолчи.

Ага. Я рада, что нащупала нежное место. Нам ведь весело, ты помнишь?

– И не подумаю. Хотя... Что я знаю о ней? Вдруг она примчится к месту твоей казни? Или решит отомстить? Или не примчится?

– Алекса, замолчи.

Хорошие интонации, мне нравится. Всю жизнь мечтала так провести время перед смертью.

– Так что скажешь? Ты в ответе за ту, которую приручил? Или просто удобно изображать несчастного влюбленного?

Дональд не стал отвечать, а я скисла: черт, похоже, перестаралась, загнала его в оболочку. Взорвись он – можно было бы раскрутить обормота на откровения, узнать хоть что-то о возможности спастись. И плевать, что нас слушают.

– П-послушай. Я думал об этом. Даже если бы п-путь сюда занимал меньше сорока минут, я б-бы не стал рисковать. Если все з-затянется, нас убьют, а она п-попадет... К ученым.

Я некоторое время осознавала сказанное, а потом улеглась, насколько могла, отвернувшись к стенке. Это так мило. Придурок в корне ошибался, он при всем своем уме был идиотом, и это так мило. Я не знаю, что творится в голове у Лиминали, но по поводу завтрашнего пробуждения я ей не завидую.

Еще, конечно, стоило бы узнать у обормота, что он за фрукт, но общаться с ним расхотелось. На том свете непременно сведем счеты. Пижама кололась и натирала поясницу, мне не выдали под эту дрянь нижнего белья, кожа головы умоляла о душе, а мне просто ничего не хотелось.

– П-прости. Но наш единственный шанс – это п-пройти «Куб».

«Тогда у нас нет шансов».

– П-послушай... М-мне тоже не нравится решение. Хотя бы п-потому, что я получил нужные данные.

Я открыла глаза, на удивление быстро поняв, о чем это он.

– Что?

– Да. Т-терминал закачал в меня информацию, не всю, правда. Д-для нее есть, э-э-э... Лекарство.

Эх. Да, везет ей.

– Кстати, ты помнишь, что она назвала тебя по имени?

– К-когда?

– Я имею в виду «твое» имя. Пока тебя прилепило к этому прибору, она села рядом и назвала тебя по имени. Не «Валкиином».

Тишина. Дональд думает. Не знаю, что он там использует, – загадочное чутье или не менее загадочный ум, – но он думает. Ну, пускай. Полезно ведь.

– Это с-странно. Как она узнала?

– Скоро спросим у нее.

Дональд, к счастью, промолчал. Я лелеяла слабую надежду, что новый повод подумать капнет хоть чуть-чуть на нужную чашу весов. Потому что мы не сможем скоординировать свои действия – ни по дороге на казнь, ни в изнанке, а значит, наш шанс – это Лиминаль.

«Наи».

Алекса, ты жалкая. Тебе же не нужен никто. Если получится, ты сама вытащишь идиота – за задницу, но вытащишь. Если у тебя не получится – ты расстроишься, но вспомнишь, что зачем-то дошла до этого момента, а значит, есть смысл дойти и до следующего. Всегда есть пункт Б, правда?

Я слушала себя и поражалась до тех пор, пока не заснула.

Что, кстати, тоже было по-своему поразительно.

* * *

В огромном лифте, который из тюремных бараков должен был поднять нас наверх, были стулья и даже диванчик.

– Переодевайтесь.

Охранник стоял свободно и расслабленно, и если бы не прикрытие, я бы его разделала даже без своего скафандра. Я потянула через голову пижамную рубашку. Оно, конечно, нехорошо еще и бесплатный стриптиз показывать, но что делать. В некоторых мирах пытаются перед казнью, просто для развлечения толпы. Где мозги вскрывают, где насилуют сутки кряду – что ни мир, то свои вкусы. На Х67 жаждут видеть в «Кубе» свеженьких и бодрых.

Тоже своего рода извращение.

– Синдикат дал вам десять минут потрещать, – сказал охранник, выходя наружу. – И без хрени мне тут. Если что, упеленаем спецпластом.

Прикрытие опустило стволы и потопало за ним. Дверца в тяжелых створках хлопнула, и десять минут пошли. Попылились на переодевающуюся и вышли с миром. Ну что за цивилизованная мафия, загляденье просто.

С утра к нам заглянул представитель правящего синдиката, потом какой-то местный священник-еретик: вроде как покаяться предлагал. Потом прибежал настырный паренек из сил планетарной самозащиты: очень его заинтересовало, чем убили доктора. Намекал, что верит нам, но ничего поделать не может.

Поскольку про Гончую ни я, ни Дональд не упомянули, ничего внятного он не узнал. Хмурый и невыспавшийся обормот напоследок посоветовал задать этот вопрос начальнице охраны доктора, и расстроенный паренек убежал.

Дональд мямлял в руках свою «рясу Обреченного» и выглядел скверно: в отличие от меня, он не спал. Сам виноват, потому что где-то в глубине души прекрасно понимал, что попытка того стоит. Но mein Gott, это ж какой риск обречь Рею на страдания, ах-ах.

А после этого он еще и моей задницей полюбовался. Где, спрашивается, справедливость?

Накатывал адреналин, прорезались зубы истерики, и мне стоило огромных усилий держать себя на строгом поводке: поводок трещал и вырывался. В таком настрое я сбегу даже от ударного катера, и это великолепно, это здорово, и да начнется бой за жизнь. Я уже слы-

шала вой толпы – хотя его и не будет в «Кубе». На многих варварских планетах чужаков бросают хищникам, но здесь планета прогрессивная, продвинутая, поэтому ресурсы генератора изнанки тратят на то же, на что дикари тратят одного дикого зверя.

Только вот обормот все портит. Мне даже жаль оставлять его. Жаль бросать странную аферу, жаль не узнать, что там за информация была, за что умираем, так сказать.

Да, жаль.

– Ну как, не передумал? – спросила я.

– Нет, – сказал Дональд.

Свет, который вот-вот станет приближаться, свет, из которого никто уже не вернется. Как иронично: свет в конце туннеля, и такой беспросветный мрак в мозгах у этого обормота.

– Неправильный выбор, Дональд.

– Мы должны пройти, Алекса! Это единственный путь...

Я уже слышала гудение голосов, вой толпы, и оставалось слишком мало времени. Ну что же, ты не оставляешь мне шансов, мой капитан. Я слишком хочу выжить.

Церемониальная одежда – это всего лишь ткань. Я сложила за спиной пальцы: безымянный крюком и словно бы в ладонь, мизинец подогнуть, а остальные, как учили, – «артритным скрутом».

Прости, Дональд, ничего личного.

Он натянул на себя верхнюю рубашку, «рясу Обреченного», обернулся, и я всадила ему скрученные пальцы в грудь. Черт, хорошо тебе, ты даже ничего не чувствуешь, а вот мои пальчики...

– Что ты...

Он еще ничего не понимает. Еще бы. Когда «печать инквизитора» останавливает витаконтроллер, это доходит не сразу.

– Нам двоим не победить, понимаешь?

Он дышит, дышит тяжело. Я его только что формально убила, и он наконец все понял.

– Н-нет...

Да. Еще как – да.

«Печать инквизитора» – это такая пытка, потому что мы слишком привыкли к медицинскому контуру, который растет вместе с нами. Витаконтроллер – это ведь не просто самая быстрая скорая помощь. Это не просто легальный имплантант. Мне не нужны страдания обормота – а он сейчас страдает, о да! – мне просто плевать на них. Главное, что остановившийся витаконтроллер послал крик о помощи.

Крик, который услышит маленький запорный механизм на небольшой, в сущности, криокамере.

– Т-ты...

Дверь распахнулась, влетели охранники, и я получила укол нейрошокером.

– Ты что творишь, сука?!

Руку разрывало болью, а под ребра уже прилетел второй щелчок.

– Как он?

– Дышит вроде!

Я корчилась на полу, и меня перевернули лицом вверх.

– Какого черта?

– Он... Х-х-хр... Пялился на меня...

Лицо наклонившегося надо мной охранника не разглядеть: свет вдруг стал слишком ярким, пульс – слишком громким, будто я его отобрала у Дональда.

– Пялился? Да ты что?!

В слепящем свете лампы взлетел энергетический хлыст, но его перехватили.

Ах, черт, как стреляет-то! В груди бился огонь, в руке бился огонь, всему телу хотелось дергаться и корчиться.

– Не вздумай, ей еще идти к «Кубу», идиот.

– Она его чуть не убила! Может, она еще что выкинет?!

– Никаких следов, понял?!

Они пререкались, а я в два горла жрала адреналин, глядя на силуэты, которым вскоре придется постараться, чтобы выжить.

– Да поднимайте уже, их там заждались! – крикнули от дверей, и в механизмах что-то скрежетнуло.

Меня отходили нейрошокером по ребрам, тварям хотелось и большего, но они дорожили этой казнью. Так что я лежала, со свистом втягивая воздух, и ребра, казалось, раскрошило, а легкие прошили колючей проволокой, и с каждым вдохом кто-то протягивал это сквозь меня.

Скрежет подъемника, лампы мигают, Дональд сипло дышит, а я лежу – и мне весело.

Подъем лифта – это целых пятнадцать минут. Пятнадцать минут разговоров о том, как бы они меня отодрали, как бы мне было весело, как они служили на L218, и вот там... Под конец мне вкололи стимулятор.

– Дерьмо, а парень что-то слаб. Эй, ты!

Я смотрю на светильник, боль уходит, и больше бить меня не станут.

– Ну-ка, вставай, сука!

Меня подтащили к Дональду и приставили вплотную.

– Давай, хватай его. Смотри, чтобы он не упал, ясно?

– Запомни, сука, если казнь отложат, нам хана, но ты попадешь к нам!

Как сказал! В этом месте я должна обделаться.

– Я с вами тоже поиграла бы, мальчики, – просипела я, хватая Дональда за плечи.

Он уже вспотел и теперь мерз. Меня еще раз ткнули шокером – в треть импульса, для остротки, и ворота начали открываться под сиреневое небо X67.

Сколько? Двадцать три минуты примерно.

Я сделала шаг. Думать о том, сколько еще осталось, не хотелось. Ставки сделаны, бежать по-другому я уже не могу. Рулетка крутится, часики мигают, и все фишки на... Скажем так, на зеро.

Свой путь к «Кубу» я начала с широченной улыбки.

Почти двести пятьдесят метров до огромного черного куба, верх которого сходит на нет, растворяясь в эфире. Эту гадость надо строить под открытым небом, подальше от всего важного, потому что там – вход в обломок наших космических путей, изнанку, а изнанка – она такая, что лучше быть готовым убежать. Разряды, опять же.

Аллея Обреченных огорожена сетчатым забором, над ней парят видеокамеры, над камерами – сиреневое небо и рыжеватый взгляд солнца. Сегодня безоблачно, в воздухе многовато углекислоты, душно и парко, и так хочется зевнуть.

Кто-то орет, но от стимулятора заложило уши. Наверное, зеваки, у которых нет денег на место перед экраном. Ничего, потом пиратскую версию посмотрите. Обормот уже холодеет, ему совсем плохо, и я едва его веду. Что ж, есть одно преимущество: он не может сказать ни слова.

А ему ведь так, поди, хочется. И мы неплохо смотримся – рука об руку, вперед, к смерти. Романтика. Хоть бы поэму написал кто. Все равно ведь искусство – один сплошной обман – что вам, жалко?

Вот и верхушка тени «Куба» – слишком быстро.

Я увидела три свои тени, и каждая жила отдельной жизнью, потому что даже преломленный сквозь изнанку свет перестает быть просто светом и становится чем-то другим. Я оглянулась.

Огромные поля светопреобразователей, куда ни глянь, антенны, летное поле штурмовиков невдалеке. Все вокруг уже колеблется, уже дрожит, еще десяток шагов, и нас затянет в угольную грань, в многомерное путешествие. И шарик катится не туда, не туда, прочь от «зеро», и крупнее уже изображает сочувственную улыбку... Алекса, откуда это? Ты что, играла, родная?

Наверное, на пороге смерти перед глазами проносится не только своя жизнь.

Рев сирены ПВО не спутаешь ни с чем – это как тебя засовывают в сабвуфер и включают драм-металл. Тревога набрала децибелов, она теперь орала по полной, и я облегченно нашла нужные сигмы нервных окончаний на шее у обормота.

И потому пропустила тот миг, когда в атмосферу ввалился челнок.

Пылающая звезда пикировала, не заботясь ни о чем – даже о торможении.

Угол падения и лучи солнца мешали сказать точно, но, по-моему, челнок даже ускорялся.

Дональд оживал у меня под мышкой, откуда-то слева в зенит протянулись шлейфы ракет, а я вгоняла ногти себе в ладони, понимая, что вот оно. Не отрывая взгляда от неба, я оглушила подбежавшего охранника, вывернула локоть и всадила его же указательный палец в воздушный фильтр.

А вот дальше пришлось опустить голову. Отобрать оружие – раз. Выстрел под сочленение на шее – два. Пнуть труп навстречу второму – три.

Mein Gott, обожаю арифметику.

Оборванцы бежали от ограды в металлическую степь, за мной гудела оголодавшая изнанка, и три охранника уже легли в пыль, когда грохнул первый взрыв. Отвлекаясь от подкрепления, я подняла голову.

Катер поймал ракету прямо рылом, вторая раскроила ему оперение, а потом на месте падающей капли полыхнул взрыв. На землю бросило всех: меня, солдат, пытавшегося встать Дональда.

Тишина, в которой звенел тонкий писк. Озноб, когда горячее всего кровь, плеснувшая из ушей. Я скрипнула горькой пылью Х67 и, не вставая, выставила ружье перед собой: пусть это плохой ствол, но даже с таким подышать веселее. Разрезать сетку слева – там, где ближе всего летное поле и катера, а теперь можно отстреливаться, не думая о ставке на «зеро».

Солдат пока было мало, они залегли в пыль, понимая, что ни к чему геройствовать. Я стреляла из-за трупов охранников, по ним уже попали пару раз, и в раскаленный воздух ворвался смрад горящего мяса. Излучатель грелся, он жег мне руки, и казалось, что подпалена уже моя собственная ладонь под цевьем.

Никогда, слышите, никогда не экономьте на охлаждении, гады. Вдруг мне придется стрелять из вашего оружия?

В небе звонко хрустнуло, будто кто-то сломал огромный кусок стекла, и я невольно подняла взгляд. Из дымного облака, которое все плакало горящими ошметками катера, к земле опускалось пылающее синевой распятие. Широко раскинув руки и запрокинув голову, в ореоле крылатого свечения на поле боя падал последний гвардеец Его Меча.

Зеро.

Лиминаль ускорила метров за двадцать до поверхности и приземлилась так, что плита перекрытия вздрогнула. Ближайшего к ней солдата подбросило и порвало в пыль.

«Нисхождение боевого энергетика. Холст, масло, кровь».

Сплошное сияние померкло. Бросив один только взгляд в нашу сторону, Рея развернулась к солдатам. Рогатые наросты на спине ее скафандра взорвались дымом, и короткие кривые клинки сгустились в руках Лиминали. Поднятый на лифте легкий БТР она, похоже, решила пока игнорировать.

Я поняла, что можно отвлечься, и вовремя: во-первых, нас обходили с тыла, видно, где-то там есть грузовые подъемники. Во-вторых, пришедший в себя Дональд поднимал брошенный ударный пистолет. Вряд ли, конечно, он собирается палить по мне, но лучше не рисковать.

Выключив обормота ударом под дых, я обернулась.

Солдат размазывало по Аллее Обреченных, я без понятия, из чего там сделаны эти ножи, но им точно забыли сказать, что на некоторых солдатах были щиты. Рядом что-то грохнуло, размытый силуэт прошел сквозь БТР, и машина просто развалилась, брызжа искрами.

Еще солдаты. И еще. И еще.

Великий космос, мне было жаль этих людей. Не потому что умирали – нет, Gott behüte¹, не потому. Большинство не могло даже видеть, насколько они прекрасны – отточенные движения их смерти. Пожалуй, ради появления такого стоило сдохнуть планете.

Комплексы потом, пока что ей надо помочь, потому что, в очередной раз проносясь мимо меня, Лиминаль прошептала: *«Двести тридцать два. Двести тридцать один...»* Я схватила за руку приходящего в себя обормота, подхватила с земли ствол и, низко пригибаясь, побежала к летному полю. Забора в том направлении больше не было.

В воздухе кружили пыль и пепел, их трепала сирена.

И только сейчас я сообразила, что уже слышу, только у борта ближайшего штурмовика – старого рыдвана, который во всех нормальных мирах списали к чертовой матери. Обслуга разбежалась, набат ПВО бился в бронированный борт.

Я залегла за массивной опорой штурмовика и успела на финал: Лиминаль, широко размахнувшись, выронила из рук десятка два ножей, и последняя волна подкрепления взорвалась фонтанами расплесканной брони и плоти.

А потом, покачнувшись, Рея выпала из своего размытого ритма боя и пошла к нам. Мой внутренний метроном соглашался: ее время и впрямь подходило к нулю. Я подняла тяжелый ствол и обстреляла залегшего за обломками БТР недобитка. Скафандр таял на Лиминали, черный дым стягивался к запястьям и щиколоткам, все явственнее проглядывало белое тело.

Плюнув в сердцах (*«Ну что ж такое, чуть-чуть не хватило, а?»*), я осмотрелась: засра-нец за обломками прижат, еще кто-то там у «Куба» был... А, нет. Там двоих шибко умных затащило в изнанку, когда они пытались нас обойти впритык к генератору.

Так, кто еще?

Я подплавил еще кусок бывшей брони БТР и пнула в борт штурмового катера, выдвигая лестницу.

– Э, капитан, подъем! Лови Лиминаль и убираемся отсюда.

Дональд очень хорошо реагирует на слово «Лиминаль», аж завидно. Я скользила прицелем по окрестностям, стараясь не думать, что там – по ту сторону штурмовика, кого еще созовет сирена, когда части самообороны опомнятся. Рея вырезала всех местных слишком быстро, и образовалась лакуна перед подходом свеженьких.

С другой стороны, могут ведь и чем-то крупным жахнуть... Я оглянулась на хищную черноту «Куба» и решила, что нет, не могут: разносить генератор изнанки при живой-то планете – это очень нездоровая мысль. Хотя если там кто-то понял, что спустилось с небес на грешную землю Х67, то могут и рискнуть.

Дональд еле плелся с Лиминалью в обнимку, его трясло теперь уже от холода, и выглядело все это дико двусмысленно. Вокруг горели трупы, большая часть тел превратилась во взвесь, впиталась в пыль, но я все равно считаю, что парень в грязной белой пижаме и голая девушка – это двусмысленно.

Наверное, это адреналин. Ну, и я пошла.

Обстреляв обломки, я успела подпереть собой падающую парочку.

¹ Боже упаси (нем.).

– На борт, – рявкнула я. – На борт оба, живо!

«Черт, она ледяная. Совсем. Напрочь».

На юго-юго-востоке быстро жирели точки, целая свора точек. Возможно, я еще успею подняться, но уходить будет ой как жарко, да еще и на этой развалюхе.

Заталкивая Рею и Дональда в люк, я наткнулась на алый взгляд.

– «Телесфор» ждет здесь, – сообщил звенящий шепот.

Последним усилием Рея вбила мне в голову координаты. Я разогнулась, вытерла выступившую из носа кровь и задраила за вошедшими люк: мимо них теперь не протиснусь, так что мне забираться через фонарь кабины. Шатаясь, я подошла к носу штурмовика и выкашляла стакан желчи. Алые глаза, выжегшие у меня в мозгах три десятка циферок, больно врезали по всему остальному тоже.

Черт, меня всегда от этого мутило.

Серая туша в зигзагах дикого камуфляжа ждала.

Ты мне не нравишься, сарай ты эдакий, но ты мой. И ты нас вывезешь. Штурмовик молчал, тяжело обвисая загруженными подкрылками. Его брюхо почти лежало на земле, а высоко вынесенные двигатели намекали на хороший запас выносливости.

Эх, скорости бы мне...

Откидывая аварийный люк остекления кабины, я окинула взглядом поле бойни.

Оступаясь в пропитанной кровью пыли, к штурмовику бежала обескураживающе живая и невозможно реальная доктор Мария Карпцова.

Глава седьмая

Шлюз «Телесфора» был таким родным, я сама так устала, а эта жизнь так меня задолбала, что хотелось прямо здесь и подохнуть. Я сидела на теплом полу фрегата и хлебала воду из бутылки медицинского комплекта. Несчастный штурмовик остывал в трюме, оттуда еще пахло дезактивацией, и означало это одно:

«Я всех вывезла».

Черт, это начинает входить в привычку.

Я прикрыла глаза и помотала головой. Голова гудела, а на обратной стороне век вроде как навсегда решили поселиться пляшущие огоньки. С попаданием на борт «Телесфора» я стремительно пополняю список жутких достижений: «удрать от „Тени“, плюнув ей в морду из „линейки“», потом «поучаствовать в продаже генной бомбы», теперь вот и «уйти от эскадрильи перехватчиков на штурмовике»...

Я встала, глупо улыбаясь. Тормозной парашют в морду самым быстрым – это я хорошо придумала. Красиво. В горле все горело, будто своим дыханием я разгоняла штурмовой рыван. Еще глоток. И еще один.

Отбросив опустевшую бутылку и достав вторую, я пошла внутрь. Обидно было, что наш капитан потащил Лиминаль, за ними потащились доктор Карпцова, а меня саму – героиню дня – забыли в шлюзе. «*Уйду я от вас*», – подумала я. Самое печальное не то, что уйти мне некуда, а то, что надо еще много думать и придется ой-ей-ей как много разговаривать. Вот хотя бы с милейшей госпожой докторшей. Я, может, тоже так хочу: чтобы мне – клейнод в сердце, а я на следующий день по летному полю козой прыгаю.

Недалеко от рубки я встретила Дональда. У капитана крайне неприятное выражение лица, и я даже подозревала, почему.

– Алекса, надо п-поговорить.

– Не надо. Просто пошел в задницу, ага?

– Алекса!

Прихлебывая воду, я второй рукой перехватила протянутую руку. Задержать он меня удумал.

– Извиняться я не собираюсь, тем более что оказалась права. Мы целы и живы, включая Лиминаль.

– Это было г-глупо!

«А ты – жалок».

– Это сработало, значит, это не глупо.

Я все рассчитала, я вывезла нас всех на фрегат, я ушла от погони. А это рефлекслирующее чмо еще будет меня воспитывать, вместо «спасибо», надо полагать. Ну да, я чуть-чуть ошиблась, и Рея вырубилась на поле боя. Ну да, все пошло не совсем по плану.

Но я-то справилась?!

– Я бы вытащил нас.

O mein Gott, мессия. Вот Лиминаль – та хоть с пылающих небес на грешную землю нисходит, а ты-то каким боком?

– У меня телесная запал-карта. Я мог вызвать «Телесфор» прямиком в изнанку.

Даже не знаю, что можно сказать на такой бред. Хотя... Стоп.

– Дональд?

Он поднял правую руку и показал ладонь. Все еще вымазанное лицо сморщилось от напряжения, но я уже увидела: нити живого серебра на какую-то секунду полыхнули в коже. В следующее мгновение Дональд был схвачен за грудки и прижат к стенке.

– Какого хера ты молчал?!

«Я... Я...» Я еще помнила того ублюдка, который чуть нас не подбил на выходе из атмосферы, до сих пор вздрагивали от отдачи «печати» пальцы, помнила бойню на «Аллее Обреченных», бешеные тени «Куба». Это все было страшно, и все – зря. Да, понятно, что даже намеки придурок на свою особенность, его бы вытащили из камеры и учинили разбор на органы. Все я понимала: не мог он вслух настаивать на возможности выжить в изнанке, но все же это было, мать вашу, чертовски обидно.

– А когда я должен был тебе рассказать?!

– Да еще на корабле! На борту еще! Почему я не в курсе, что ты «посеребренный»?

– А кто ты вообще такая, что я...

Хрясь. Это тебе за правду, обормот. Челюсть я ему не выбила, но ахнуло знатно.

«Кто я такая». Ну надо же!

– М-м-м... Я тут прошу прощения...

Уж не знаю, от чего нас спасло появление милой докторши, но медотсек кому-то из нас точно бы понадобился. Или ему из-за травм, или мне из-за инсульта. А еще доктор Мария Карпцова хорошо объединяет людей, потому что на худенькую мертво-живую личность и Дональд, и я смотрели с одинаковым подозрением.

Черт, у нас корабль с определенной специализацией намечается: сначала Лиминаль, теперь вот этот фрукт.

– П-позвольте, угадаю. Хотите п-поговорить.

Голос у него был так себе. Разговор – он ведь челюстью разговаривается.

Карпцова развела руками:

– И это тоже. Хотела сказать, что показатели Лиминали в норме.

– Спасибо, – кивнул Дональд.

Я в сторонке перевела дух и пока что наблюдала.

– П-почему вы выжили?

Мария изобразила симпатичную грустную улыбку:

– Э-э-э, Дональд. Давайте продолжим где-нибудь в более...

– А если лицо попроще? – предложила я.

С вот такими лучше пострже. Лучше сразу ее спровоцировать, а то мало ли: клейнод Гончей ее не берет, кто знает, что она еще умеет?

Доктор Мария выглядела искренне расстроенной моим тоном.

– Я д-думаю, нам всем есть, что сказать, – пробурчал Дональд, поднимая руку. – Идемте в м-медотсек.

Мне это все ужас как не понравилось. Очевидно, подразумевается, что стриптиз будем изображать всей толпой, и таким вот нехитрым приемом тимбилдинга будет принято решение, а не выкинуть ли кое-кого в воздушный шлюз.

Мария посмотрела на Дональда, посмотрела на меня и вдруг икнула.

В медотсеке было зверски холодно, видимо, из-за Лиминали, которая сидела, до ушей закутанная в климатический плед, и хрустела белковыми галетами. На пледе уже собралась наледь, но выглядело это невыносимо мило: алый взгляд, тонкая косичка поверх инея и пара крошек на ткани. Эти самые белковые галеты в космоходке мне нравились ровно до тех пор, пока я не узнала, что старшекурсницы называют их «сушеным минетом». Вкусовое сравнение, конечно, было сомнительной точности, но осадок, как говорится, остался.

Я снова посмотрела на деликатно жующее супероружие, и градус умиления немного снизился. «Вот и славно».

– П-поскольку вы новенькая, д-доктор Карпцова, с вас и начнем, – сказал Дональд.

– А с чего именно начать? – смущенно пробормотала докторша.

– С того, откуда и почему вы знаете Дональда, – сказала я.

Клейнод в сердце – это дико увлекательно, но если у нас на борту соглядатай и шпик, то лучше сразу это выяснить – и в вакуум его. В вечную, так сказать, пустоту.

Капитан против моего вопроса не возражал. То ли счел, что инквизитору виднее, то ли и сам интересовался.

– А... Ну, тогда все равно придется с самого начала. Я работала на Его Меча, и когда исчезла последняя Лиминаль, многие младшие сотрудники получили приказ... – Мария замаялась и поправила челку. Я это тотчас же внесла в свой черненький блокнот. Запомним. – Нас под легендой беглецов отправляли по всей галактике.

– А н-на самом деле?

– На самом деле мы должны были осесть и пустить слух о том, что мы из проектов канцлера.

– То есть правдивый слух, – подсказала я.

– Частично, – кивнула Мария. – На самом деле никто из нас не сбегал, разумеется. Мы должны были ждать, пока к нам не обратится кто-то с вопросами о Лиминали.

– Кто-то или конкретно Дональд?

В медотсеке стало еще холоднее, и я, скрипя шеей, повернулась на голос. Рея, неотрывно глядя на докторшу, вытащила из-под пледа руку и согнутым пальцем убрала с губ крошки. Губы были синеватыми, а с пледа посыпался снег.

– М-м-м... Именно «кто-то», гос... Рея. Мне, по крайней мере, имен не сообщали, – тихо сказала Мария.

Она нервничала, отвечая Лиминали, а еще я уловила нотки подобострастия – и это помимо оборванного, но вполне узнаваемого обращения «госпожа». Занятно все там у них было, надо бы расспросить на досуге, если пройдет проверку на вшивость.

– Так вот. На Х67 я довольно быстро освоилась и начала собирать информацию. Решила выслужиться, дура.

Дура, так и запишем.

– И? – поторопила я. Пауза была вроде как не наигранной, но какой-то... Мелодраматичной, что ли. Сама решу, милочка, когда начать тебя жалеть.

– Мнемоблокаторы я сняла просто из любопытства. Потом добавилась еще информация... В конце концов я поняла, что меня убьют.

Мария снова икнула, пробормотала извинения и замолчала. Черт. Она и впрямь выглядит несчастной, и как будто бы не врет.

– Я стала одержима бегством. Все время этот взгляд на затылке, чувство слежки, – она хихикнула. – Три раза начальника охраны сменила. И постепенно уверялась, что, когда придет тот самый человек за информацией о Лиминали, – это будет мой шанс. Так что я удлинила ниточки, если можно так сказать.

– Сами п-принялись искать?

– Да. И нашла.

Я искоса посмотрела на Дональда. Вот тебе и прикрытие, болван, вот тебе и легенда. Интересно, где же он еще наследил своими поисками чудо-доктора? Это я так, чисто для общего развития, чтобы в тот сектор космоса больше не сунуться.

– Что вы обо м-мне знаете?

Мария снова потеряла челку.

– Имя. Название корабля. Внешность. Все, вроде бы.

И в самом деле – все. В смысле, не врет, что не так уж плохо. Несколько часов копания в логических схемах – и идентификаторы и метки корабля будут изменены. Дональду физиономию так просто не поправишь, но это уже меньшее зло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.